

ПУШКИНЪ ВЪ ЛИЦЕѢ И ЛИЦЕЙСКІЯ ЕГО СТИХОТВОРЕНІЯ.

III.

ВЛІЯНІЕ БАТЮШКОВА, ЖУКОВСКАГО И ДРУГИХЪ ПОЭТОВЪ. — ПАТРИОТИЧЕСКОЕ
НАПРАВЛЕНІЕ.

Чтобъ замѣнить Кошанскаго, котораго отвлекало отъ преподаванія управленіе лицеемъ, приглашенъ былъ адъюнктъ педагогическаго института А. И. Галичъ, занимавшійся въ лицее съ мая 1814 по іюнь 1815 года. Съ того же времени назначенъ постоянный адъюнктъ—профессоръ русской и латинской словесности, и въ должность эту вступилъ П. Е. Георгіевскій. Галичъ, впослѣдствіи авторъ *Исторіи философскихъ системъ*, *Опыта науки изящнаго* и нѣкоторыхъ другихъ философскихъ сочиненій, былъ предобрый и презабавный чудакъ. Воспитанники, хотя подсмѣивались надъ нимъ, но очень его любили за его почти младенческое простосердечіе и добродушіе. Онъ занимался съ воспитанниками всѣмъ, исключая своихъ предметовъ; читалъ съ ними театръ Коцебу, выслушивалъ ихъ стихи, и только въ ожиданіи посѣщенія начальства, заглядывавшаго изрѣдка на лекціи, принимался за печатавшагося Кошанскимъ въ 1815 г. Корнелія Непота, приговаривая: «потреплемъ старика!» Выраженіе это долго сохранялось между лицеистами, и Пушкинъ вспомнилъ его, оканчивая вторую главу *Евгенія Онегина*:

Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика.

Въ одномъ изъ классовъ Галича Пушкинъ прочиталъ написанную имъ въ началѣ 1815 г., въ подражаніе *Ильи Муромцу* Карамзина, сказку *Бову* (т. II, стр. 431), отнесенную въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ къ числу произведеній неизвѣстныхъ годовъ. Поводомъ къ этой неконченной сказкѣ послужила извѣстная *Сказка о славномъ и храбромъ витязѣ Бовѣ королевичѣ*, понавшая тогда въ руки поэта. Поэтъ самъ указываетъ на этотъ источникъ:

...вчера, въ архивахъ роля,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталъ — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Но народный рассказъ переиъшанъ у Пушкина съ его личными впечатлѣніями и намеками на современныя событія; подражаніе же Карамзину обнаруживается въ приѣмахъ разсказа и размѣрѣ стиха. Въ довершеніе этого виѣшняго сходства между обѣими сказками, и та, и другая остались неконченными.

Галичь, пріѣзжавшій изъ Петербурга иногда болѣе чѣмъ на сутки, останавливался въ отведенной для профессоровъ маленькой комнатѣ нижняго этажа, которая, съ его появленіемъ, немедленно наполнялась молодежью. Здѣсь, вдали отъ докучнаго надзора, можно было побесѣдовать не стѣняясь, почитать запретныя плоды фантазіи, покурить, а можетъ быть, иногда и попировать съ «лѣнвивымъ мудрецомъ» и «вѣрнымъ другомъ бокала», какъ называлъ Галича Пушкинъ въ своихъ къ нему посланіяхъ, которыя получили начало въ этой же «каморкѣ гѣсной». Тутъ же происходила воображаемая пирушка, описанная въ стихогвореніи *Пирующіе студенты*, которое, въ видахъ благоправія, переименовано въ *Пирующіе друзья* (т. I, стр. 19), и въ которомъ относится къ Галичу слѣдующая строфа, искаженная во всѣхъ изданіяхъ:

Ужели трезваго найдемъ
За скагертью студента?
На всякій случай изберемъ
Скорѣе президента.
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ, и грогъ душистый,
А вамъ, спартанцы, поднесетъ
Воды въ стаканѣ чистой.
Апостолъ нѣги и прохлада,
Мой добрый Галичь! vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.

Главу вѣнками уברי,
 Будь нашимъ президентомъ,
 И стануть самые пари
 Завидовать студентамъ!

Слѣдующія строфы относятся къ Дельвигу, Иличевскому, князю Горчакову, Пушину, Яковлеву, Малиновскому, Корсакову, опять Яковлеву и Кюхельбекеру; но изъ нихъ названъ только Дельвигъ. Стихотвореніе это написано въ подражаніе упомянутой выше (глава II, стр. 164) сатирѣ Батюшкова *Пѣвецъ въ бесѣдѣ Славяно-Россовъ*. Подражаніе особенно замѣтно въ концѣ. Для сравненія приводимъ окончаніе пародіи Батюшкова:

ПѢВЕЦЪ.

Пора домой, пора ко сну...
 Отъ хмѣля я шатаюсь...

ГРАФЪ ХВОСТОВЪ.

Дай, басню я прочту одну,
 И послѣ распрощаюсь.

Пушкинъ оканчиваетъ стихотвореніе обращеніемъ къ метроману своего товарищескаго кружка, Кюхельбекеру:

Но что? я вижу все вдвоемъ:
 Двоится штофъ съ аракомъ,
 Вся коивата пошла кругомъ,
 Покрылись очи мракомъ...
 Гдѣ вы, товарищи? гдѣ я?
 Скажите, Вакха ради!
 Вы дремлете, мои друзья,
 Склонившись на тетради?
 Писатель! за твои грѣхи
 Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
 Вильгельмъ! прочти твои стихи,
 Чтобъ мнѣ уснуть скорѣе.

Въ посланіи къ *Батюшкову*, написанномъ тогда же (т. I, стр. 26), Пушкинъ напоминаетъ поэту о его сатирѣ, и совѣтуетъ не трогать Тредьяковского, тѣнь котораго является въ ней окруженная поэтами:

Иль вдохновенный Ювеналомъ,
 Вооружись сатиры жаломъ;
 Подъ часъ прими ея свистокъ,

Рази, осмѣивай порокъ,
 Шутя, показывай смѣшное,
 И, если можно, насъ исправь,
 Но Тредьяковского оставь
 Въ столь часто рушимомъ покоѣ.

Замѣтимъ кстати, что третій стихъ послѣдующей строфы:

Чтобъ пересталъ писать

напечатанъ неправильно: въ немъ, для полноты размѣра (четырёх-
 стопный ямбъ), недостаетъ двухъ-сложнаго слова.

Ювеналь, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, читавшій его во французскомъ переводѣ, и къ которому совѣтуетъ Батюшкову обратиться за предметами вдохновеній, самъ вдохновлялъ молодого поэта. Вліяніе безсмертнаго сатирика высказалось въ одномъ изъ лучшихъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина *Лицинію* (т. I, стр. 88), которое онъ выдавалъ за переводъ съ латинскаго.

Въ посланіи къ *Галичу* (т. I, стр. 45), написанномъ въ началѣ 1815 г., изображенъ, разумѣется, не безъ примѣси вымысла, собиравшійся у него шумный кружокъ:

Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
 Садись на тройку злыхъ коней,
 Оставь Петрополь и заботы,
 Лети въ счастливый городокъ,
 Зайди къ жиду Золотареву,
 Въ его всѣмъ общій уголокъ;
 Мы тамъ, собравшия въ кружокъ,
 Прольемъ вина струю багрову,
 И съ громомъ двери на замокъ
 Запретъ веселье молодое...

Счастливый городокъ — это Царское Село, а Золотаревъ — лицейскій экономъ, въ котораго нерѣдко швыряли гнилыми пирогами, и который вполнѣ заслужилъ данный ему эпитетъ. Въ другомъ посланіи *Къ Галичу* (стр. 47), написанномъ, вѣроятно, по увольненіи его изъ лицея, т. е. во второй половинѣ 1815 г., Пушкинъ съ сожалѣніемъ вспоминаетъ о вечерахъ, проведенныхъ въ его обществѣ:

Ужели мнѣ съ тобой
 Лишь помощью бумаги
 Минуты провождать,
 И больше не видать
 Парнаскаго бродяги...
 Ужь темный уголокъ

И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подѣ вечерокъ
За рюмками шумѣли...

Но пирушки, описанныя Пушкинымъ, кромѣ развѣ одной, рассказанной въ *Запискахъ* Пущина (стр. 15—18), и изъ за которой переполошилось все начальство, происходили только въ воображеніи поэта, который въ посланіи князю *Шаликову* 1816 г. (т. I, стр. 143) сознается, что онъ,

. . . трезвый, межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водяными стихами.

«Счастливыѣ городокъ», о которомъ упоминаетъ Пушкинъ, послужилъ предметомъ большаго посланія подѣ заглавіемъ *Городокъ* (т. I, стр. 30), написаннаго въ 1814 г., но отнесеннаго издателями къ 1815, потому что въ этомъ году оно было напечатано въ «Россійскомъ Музеумѣ» В. В. Измайлова. Стихотвореніе это, текстъ котораго дополненъ П. А. Ефремовымъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1861 г. (№ 9, стр. 272—273), представляетъ много автобіографическихъ указаній, по которымъ можно судить о занятіяхъ, стремленіяхъ, вкусахъ и направленіи Пушкина въ то время; въ немъ же выразилась самая сильная степень вліянія Батюшкова. Эти обстоятельства побуждаютъ насъ остановиться на *Городкѣ* съ нѣкоторою подробностью.

При вымышленной обстановкѣ, которую не трудно отдѣлить отъ дѣйствительности, въ основаніи стихотворенія много искренности. Поэтъ говоритъ, что онъ

Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвалъ и веселился (*)
Въ театрѣ, на пирахъ;

и не вѣдалъ покоя

Увы! ни на часокъ,
Какъ будто у наюа
Въ великій четвертокъ
Измученный дьячокъ;

(*) А не

Звѣвалъ веселился (?),

но теперь живетъ

. . . въ городкѣ,
Безвѣстностью счастливомъ,

гдѣ

Лишь изрѣдка телѣга
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится...

Хотя эта попытка отвлечься отъ дѣйствительности и замѣнить ее вымысломъ составляетъ одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ поэтическихъ приемовъ, но здѣсь, даже въ частностяхъ, замѣтно близкое подражаніе, слѣдующимъ строкамъ изъ *Пенатовъ* Батюшкова, которымъ обязаны своимъ происхожденіемъ, какъ мы уже отчасти видѣли, многія стихотворенія Пушкина 1813—1815 годовъ:

*Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой
Ты смѣло постучися,
О воннѣ, у меня;
Войди и обсушися
У яркаго огня.*

Отъ этого нехитраго вымысла, заимствованнаго вмѣстѣ съ формою и выраженіемъ у Батюшкова, Пушкинъ переходитъ къ дѣйствительности, которую для него составляли поэзія и чтеніе. Любовь къ чтенію, еще и теперь преслѣдуемая во многихъ разсадникахъ просвѣщенія, находила въ лицѣ больше простора, чѣмъ въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Учредители лицей и въ этомъ отношеніи были либеральнѣе прочихъ педагоговъ. Для чтенія газетъ и журналовъ устроена была особая комната, и кромѣ того, въ распоряженіи воспитанниковъ была небольшая бібліотека, состоявшая преимущественно изъ произведеній русскихъ и французскихъ поэтовъ. Еще до поступленія въ лицей Пушкинъ изучилъ Вольтера, и ознакомился съ лучшими представителями эротической поэзіи XVIII вѣка: Грекуромъ, Грессе, Буффле, Парни и др. Эти поэты, духъ которыхъ отразился на произведеніяхъ Батюшкова, составляли, вмѣстѣ съ довольно скудными произведеніями отечественныхъ знаменитостей, любимое чтеніе Пушкина въ 1811—1815 г., какъ свидѣтельствуется *Городокъ*. Съ наибольшимъ восторгомъ поэтъ говоритъ въ немъ о Вольтерѣ, который

Всѣхъ больше перечитавъ,
Всѣхъ менѣе томить.

Изъ русскихъ писателей, прочитанныхъ Пушкинымъ, онъ прежде всего упоминаетъ о Державинѣ:

Питомцы юныхъ Грацій —
Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ.

Но и это сближеніе Державина съ Гораціемъ Пушкинъ взялъ у Батюшкова, у котораго даже заимствовалъ и риѹму:

Въ толпѣ и Музъ, и *Грацій*
То съ лирой, то съ трубой,
Нашъ Пиндаръ, нашъ *Горацій*
Сливаеть голосъ свой.

Далѣе Пушкинъ говоритъ о перечитанныхъ имъ Дмитріевѣ, Крыловѣ, Озеровѣ, Карамзинѣ, Фонъ-Визинѣ и Княжнинѣ; но съ особенною любовью останавливается на «потаенной тетради», заключавшей рукописныя сочиненія, которыя, соединяя въ себѣ дѣйствительныя достоинства съ привлекательностью запрещеннаго плода, читались на расхватъ, переходили изъ рукъ въ руки и распространялись въ многочисленныхъ спискахъ:

Сей свитокъ драгоценный,
Въ ками сбереженный
Отъ члена русскихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата,
Я даромъ получилъ.
Ты, кажется, въ сомнѣнн?..
Не трудно отгадать:
Такъ, это сочиненья,
Презрѣвшія печать.
Хвала вамъ, чада славы,
Враги парнасскихъ узъ!
О, князь! наперсникъ музъ!
Люблю твои забавы;
Люблю твои колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ;
Въ сатирѣ — знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту.

Это относится къ князю Д. П. Горчакову, автору весьма распространенныхъ въ то время сказки *Соловей* и сатиры *Святки*, о кото-

рой упоминаетъ Пушкинъ въ посланіи 1817 г. къ своему дядѣ, В. Л. Пушкину (т. I, стр. 173):

Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ» онъ достоинъ.

Потомъ говорится въ *Городкѣ* о Батюшковѣ, относящіяся къ которому четыре стиха пропущены во всѣхъ изданіяхъ, и о его *Видѣніи на берегахъ Леты*, которое напечатано вполне въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1861 г. (№ 20) :

И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ адѣ свистъ веселый
Поэтовъ раздражилъ,
Какъ въ юношески лѣты
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потонилъ.

Далѣе въ «драгоцѣнномъ свиткѣ» слѣдуетъ знаменитый *Опасный сонъ* В. Л. Пушкина, къ которому относятся слѣдующія строки:

И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ столь богатый
И вкуса образецъ.

Мастерское произведеніе дяди поэта было очень распространено въ лицѣ. Пушкинъ сначала не любилъ этого стихотворенія, и даже говорилъ (можетъ быть, только передъ начальствомъ), что писать такія вещи способенъ лишь пьяный или безумный, но впоследствии, и весьма скоро, восхищался талантомъ пѣвца Буянова, и даже пробовалъ подражать ему. Потомъ слѣдуетъ обращеніе къ Крылову по поводу весьма распространенной тогда въ рукописи комедіи его *Трумфъ*, напечатанной лишь въ 1861 году за границую, и къ Баркову, который

Тетради половину
Наполнилъ лишь собой.

Пушкинъ не называетъ однакожь Баркова, считая неприличнымъ даже имя талантливаго стихотворца. Написанную въ подражаніе ему *Тѣнь Баркова*, балладу, отрывки изъ которой приведены въ предъидущей главѣ Пушкинъ называлъ въ лицѣ *Тѣнь Кораблева*, чтобъ сколько нибудь замаскировать этимъ заглавіемъ имя героя и ея слишкомъ игривое содержаніе; а впоследствии, какъ говоритъ А. П. Кернъ

въ *Воспоминаніяхъ о Пушкинѣ* («Библіотека для Чтенія» 1859 г., №4, стр. 127), найдя въ ея альбомѣ имя другаго Баркова съ стихами, написалъ между прочимъ :

Не смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевести,
И даже имени такого
Не смѣю громко произнести!

Къ тому же роду сочиненій, «презрѣвшихъ печать», читавшихся въ лицеѣ, принадлежала и поэма Майкова *Елисей*, о которой съ восторгомъ говоритъ Пушкинъ въ письмѣ къ А. Бестужеву отъ 13 июня 1823 г., напечатанномъ между прочимъ въ статьѣ П. И. Баргенева *Пушкинъ въ южной Россіи* («Русская Рѣчь» 1861 г. №№ 103 и 104).

Но чѣмъ болѣе удаляется Пушкинъ въ своемъ посланіи отъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе фантазія его подчиняется Батюшкову, подражаніе которому доходитъ до простыхъ заимствованій. Въ доказательство представляемъ сличенія. Батюшковъ, обращаясь къ любимымъ своимъ поэтамъ, говоритъ:

Наставники—пѣнты
О, Фебовы жрецы! (*)
Вамъ, вамъ плетутъ Хариты
Безсмертные вѣнцы!

Я вами здѣсь вкушаю
Восторги Пѣриды,
И въ радости зываю:
О, музы! я пѣню!

А вы, смиренной хаты
О, Лары и Пенаты!
Отъ зависти людской
Мое сокройте счастье,
Сердечно сладострастье,
И вѣгу, и покой!

У Пушкина находимъ ту же мысль, высказанную въ весьма похожей формѣ:

Ахъ, счастливъ, счастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Феба
Во цвѣтъ дней возьметъ!

(*) У А. Пушкина въ *Городкѣ*:

Парнасскіе жрецы.

Какъ смѣлый житель неба,
 Овъ къ солнцу воспарить,
 Превыше смертныхъ станеть
 И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ ввѣкъ пѣтъ!»

Мечтанье легкокрыло!
 О, будь же ты со мной!
 Дай руку *сладострастью*,
 И съ чашей круговой
 Веди меня ко счастью
 Забвенія тропой...

Батюшковъ призываетъ

Въ смиренный уголокъ

тайкомъ передѣтую Лилету:

Накинь мой плащъ широкій,
 Мечемъ вооружись,
 И въ полночи глубокой
 Внезапно постучись.

Пушкинъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ обращается къ мечтѣ:

Примчись въ мой домикъ тѣсный,
Тихонько постучись,
 И въ тишинѣ прелестной
 Съ любимцемъ обнимись!

Батюшковъ даетъ пріютъ старому воину:

О, старецъ, убѣленный
 Годами и трудомъ,
 Трикраты уязвленный
 На приступѣ штыкомъ!
 Двуструнной балалайкой
 Походы прозвени,
 Про витязя съ нагайкой,
 Что въ жупель и въ огни
 Леталъ передъ полками,
 Какъ вихоръ на поляхъ,
 И вокругъ его рядами
 Враги ложились въ прахъ!...

Пушкинъ говоритъ о семидесяти-лѣтнемъ отставномъ маіорѣ:

Вечернею пирушкой
 Старикъ развеселясь,
 За дѣдовскою кружкой
 Въ прошедшемъ углубясь,
 Съ очаковской медалью
 На раненой груди,
 Воспомнить ту баталию,
 Гдѣ, роты впереди,
 Летѣлъ на встрѣчу славы,
 Но встрѣтился съ ядромъ,
 И палъ на доль кровавый
 Съ булатнымъ палашомъ.

Въ насмѣшкахъ Пушкина надъ извѣстнымъ метроманомъ, графомъ Хвостовымъ, и даже въ названіи его Свистовымъ, также слышится отголосокъ Батюшкова, который въ посланіи *Къ Жуковскому* говорить, что ему предстоятъ

... новыя мученья
 Достойныя бѣсовъ:
 Свой стихотворенья
 Читаетъ мнѣ Свистовъ...

Пушкинъ все въ томъ же *Городкѣ*, говоритъ:

Такъ нѣкогда Свистова
 Въ столицѣ я внималъ,
 Когда свои творенья
 Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
 Ахъ, видно Богъ пыталъ
 Тогда мое терпѣнье!

Эти строки напоминаютъ намъ невѣрно напечатанную въ берлинскомъ изданіи 1861 г. «Стихотвореній» Пушкина (стр. 110) эпиграмму его на Хвостова, у котораго стихотворство было не единственною слабостью:

Сожалѣнье не поможетъ,
 Все жъ мнѣ жаль, что графъ Хвостовъ
 Удержать въ себѣ не можетъ
 Ни у..., ни стиховъ.

Окончимъ сравненіе заключительными обращеніями поэтовъ. Батюшковъ, обращаясь къ князю Вяземскому, говоритъ:

О! дай же ты мнѣ руку,
 Товарищъ въ лѣни мой,

И мы потопим скуку
Въ сей чашѣ круговой!

Василій Пушкинъ заключаетъ посланіе къ Дашкову, повторяя то же самое:

Мой милый другъ, конечно,
Увидимся съ тобой!
За чашей круговой,
Рукой ударивъ въ руку,
Печаль забудемъ, скуку,
И будемъ ликовать.

А Александръ Пушкинъ кончаетъ посланіе слѣдующимъ обращеніемъ, заимствованнымъ у обоихъ:

*Но другъ мой, если вскорѣ
Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой.*

Сличенія эти вполне доказываютъ, что одно изъ замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ юношескихъ произведеній Пушкина, не смотря на выразившуюся въ немъ личность поэта, есть сколокъ съ *Моихъ Пенатовъ*.

Стихотвореніе Батюшкова, вызвавшее много подражаній, не разъ служило Пушкину источникомъ, къ которому онъ обращался за мотивами своихъ стихотвореній. Подъ вліяніемъ этого стихотворенія и тѣмъ же размѣромъ написаны въ 1815 году посланія: *Къ Пушкину*, *Къ Галичу* (упомянутое выше), *Къ Дельвигу* и къ самому *Батюшкову* (т. I, стр. 43, 47, 52 и 55). Первое изъ нихъ даже оканчивается стихами, напоминающими только что приведенные:

Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрный нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При стукѣ полныхъ чашъ!

Въ посланіи къ Дельвигу, упомянутомъ выше, Пушкинъ рассказываетъ исторію своего стихотворства:

Поэтовъ грѣшный ликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою.
Мой дядюшка—поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ

И съ музами сосваталъ;
 Сначала я шалилъ,
 Шутя стихи кроилъ,
 А тамъ ихъ напечаталъ.

Впрочемъ, дялюшка-поэтъ, привезшій въ Петербургъ своего племянника и сосватавшій его съ музами, привѣтствовалъ первые его опыты извѣстною эпиграммою:

Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ),

на которую Пушкимъ только въ 1829 году отозвался эпиграммою же (т. I, стр. 431):

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ...

Такое же подражаніе Батюшкову представляетъ, написанное Пушкинымъ въ 1815 году, но отнесенное издателями къ стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ, *Воспоминаніе* (т. I, стр. 556), которое, по выраженіямъ и могиву, напоминаетъ стихотвореніе Батюшкова *Ложный Страхъ*, переведенное изъ Парви (La Frayeur), не имѣя съ нимъ ничего общаго по мысли. Это внѣшнее сходство и въ то же время внутреннее различіе обоихъ произведеній видно съ первыхъ же строкъ. Батюшковъ говорить:

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный,
 Какъ съ Амурами тишкомъ,
 Мракомъ ночи окруженный,
 Я къ тебѣ прокрался въ домъ?

У Пушкина читаемъ:

Помнишь ли, мой другъ по чашѣ,
 Какъ въ отрадной тишинѣ,
 Мы топили горе наше
 Въ чистомъ гѣнистомъ винѣ?

Подобное сходство мотива приводитъ къ заключенію, что Пушкинъ въ это время подчинялся вліянію Батюшкова даже въ такихъ произведеніяхъ, которыя, какъ *Воспоминаніе*, вызваны окружавшею поэта дѣйствительностью и личными его впечатлѣніями. Подражаніе Батюшкову обнаруживается не только въ содержаніи, духѣ и формѣ стихотвореній Пушкина, но замѣтно даже во внѣшнихъ приемахъ. Напримѣръ, Батюшковъ написалъ въ 1816 или 1817 г. письмо къ В. Л. Пушкину стихами и прозою, напечатанное лишь въ 1827 году въ «Московскомъ Телеграфѣ» (ч. 13, отд. 2, стр. 91). Молодой Пушкинъ,

которому не могло не быть извѣстно это посланіе въ рукописи, также написалъ *Письмо къ В. А. Пушкину* (т. I, стр. 125), которое также перемѣшано стихами и прозою. Вліянію Батюшкова Пушкинъ подчинился совершенно сознательно, чувствуя превосходство его, какъ художника, надъ всѣми предшествовавшими ему русскими поэтами, и даже отдавалъ предпочтеніе тѣмъ изъ своихъ произведеній, въ которыхъ вліяніе это замѣтнѣе. Такъ, напримѣръ, онъ особенно любилъ свое стихотвореніе *Муза* (т. I, стр. 243), потому, какъ признавался Иванчину Писареву, что оно «отзывается стихами Батюшкова» («Москвитянинъ» 1842 № 3, стр. 147).

Симпатическая муза Батюшкова была для Пушкина тѣмъ привлекательнѣе, что въ ней онъ видѣлъ истолковательницу и представительницу овладѣвшихъ его юношескимъ воображеніемъ французскихъ эротическихъ поэтовъ. Непосредственное вліяніе ихъ было однакожъ не довольно сильно, чтобы Пушкинъ исполнѣ ему подчинился. Въ нихъ его увлекало живѣе чувственности содержаніе и проблески неподдѣльной поэзіи, мелькающей въ произведеніяхъ Буффле и Парни; но артистическая натура Пушкина тогда только усвоила это направленіе, въ которомъ истинная поэзія такъ близко граничитъ съ безвкусіемъ и цинизмомъ, когда болѣе зрѣлый, чѣмъ онъ, художникъ облекъ для насъ ея содержаніе въ изящнѣйшіе звуки и образы.

Несравненно менѣе вліянія на Пушкина имѣлъ Жуковский, хотя онъ не безъ основанія считается его поэтическимъ учителемъ. Вліяніе это, впрочемъ, ограничивается только формою: оно чувствуется въ музыкальности и гармоніи стиха, но въ содержаніи едва уловимо. Это объясняется тѣмъ, что Жуковский былъ представителемъ у насъ германской поэзіи, которой Пушкинъ никогда не сочувствовалъ; оригинальныя же произведенія пѣвца Свѣтланы лишены самобытности и бѣдны содержаніемъ. Пушкинъ, въ частности, болѣе пародировалъ Жуковскаго, чѣмъ подражалъ ему, и даже въ этомъ отношеніи подчинился вліянію Батюшкова, написавшаго остроумную пародію на знаменитаго *Пѣвца во стань русскихъ воиновъ*, о которой мы уже не разъ упоминали. Произведенія Жуковскаго, особенно оригинальныя, при всѣхъ своихъ достоинствахъ относительно языка, дѣйствительно представляли удобный матеріалъ для пародій, которыя, съ легкой руки Батюшкова, являлись одна за другою, даже и въ лицейскомъ кружкѣ, почти на всякое, сколько нибудь замѣчательное стихотвореніе Жуковскаго. Въ одномъ изъ первыхъ произведеній Пушкина *Тѣнь Баркова* замѣтна, какъ уже сказано выше (гл. II стр. 155), пародія на балладу Жуковскаго *Громобой*, составляющую первую часть повѣсти *Девятнадцать спящихъ дѣвъ*. Содержаніе ея Пушкинъ рассказываетъ въ четвертой пѣснѣ *Руслана и Люд-*

милы (т. II, стр. 56); но разсказъ этотъ не заключаетъ однакожь пародіи, которую находитъ въ немъ г. Бартенева въ 3-й главѣ біографіи Пушкина, вѣроятно на томъ основаніи, что поэтъ писалъ впоследствии: «За пародію Двѣнадцати Спящихъ Дѣвъ можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе». Слова эти относятся не къ четвертой пѣснѣ *Руслана*, а къ *Тѣни Баркова*. Въ упомянутой же пѣснѣ, напротивъ того, есть обращеніе къ Жуковскому, исполненное, не смотря на нѣкоторую шутливость тона, глубокаго уваженія:

Поэзіи чудесный геній,
 Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
 Любви, мечтаній и чертей;
 Могиль и рая вѣрный житель,
 И Музы вѣтреной моеи
 Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!

Другая пародія вызвана переведеннымъ Жуковскимъ въ 1816 году стихотвореніемъ Гебеля *Тльниность* (*Die Vergänglichkeit*), и приведена гг. Анненковымъ (стр. 46) и Бартеневымъ (гл. 3); а третья, не явившаяся еще у насъ въ печати, и неправильно напечатанная въ берлинскомъ изданіи 1861 года «Стихотвореній» Пушкина (стр. 105): «Изъ савана одѣлся ты въ ливрею», написана гораздо позже на *Пльца* Жуковскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ есть злая на него эпиграмма. Не смотря, однакожь, на всѣ свои насмѣшки, изъ которыхъ инья не скрывались и отъ Жуковскаго, Пушкинъ всегда признавалъ его своимъ учителемъ въ стихотворствѣ и уважалъ, какъ человѣка, хотя расходился съ нимъ во многихъ основныхъ убѣжденіяхъ. Свое сочувствіе Жуковскому онъ выразилъ на первыхъ же страницахъ дневника, въ удѣлѣвшемъ отрывкѣ котораго, напечатанномъ г. Анненковымъ (стр. 22), первая личная замѣтка касается вниманія Жуковскаго, подарившаго молодому поэту въ 1815 году свои стихотворенія. Въ нихъ же Пушкинъ нашелъ выраженіе первыхъ сердечныхъ тревогъ, высказавъ ихъ въ томъ же дневникѣ стихами изъ *Пльца* Жуковскаго:

Онъ пѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ.
 Увы! онъ зналъ любви одну лишь муку.

Восторженное же обращеніе къ «Славянскому барду», къ «вдохновенному скальду Россіи» завершаетъ *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* (т. I, стр. 87), съ которыхъ началась слава Пушкина.

Во второй главѣ этого труда, мы уже имѣли случай указать нѣко-

торья весьма близкія заимствованія въ стихотвореніяхъ Пушкина *Къ Делю* и *Къ Сестрѣ* изъ посланія Жуковскаго *Къ Батюшкову*. Свое посланіе *Къ Батюшкову* же (т. I, стр. 55) Пушкинъ оканчиваетъ стихомъ

Будь всякій при своемъ,

взятымъ изъ того же посланія Жуковскаго:

Будь каждый при своемъ.

Отчасти подъ вліяніемъ этого же стихотворенія и посланія Жуковскаго *Къ Б...у*, и тѣмъ же размѣромъ, написаны упомянутые выше посланія Пушкина *Къ Сестрѣ*, *Городокъ*, *Къ Пушкину* и *Къ Галичу*. Въ элегіи Пушкина *Разлука* (т. I, стр. 136), о которой по другому обстоятельству говорится ниже, повторяются мысли, и слышится настроеніе, которыя находимъ въ *Письмѣ* Жуковскаго («Мой другъ, хранитель, ангель мой»). Посланіе Пушкина *Къ князю А. М. Горчакову* (т. I, стр. 147), упомянутое нами во второй главѣ, напоминаетъ содержаніемъ, размѣромъ и нѣкоторыми выраженіями посланіе Жуковскаго *Къ Филалету*. Напримѣръ, у Жуковскаго:

Любовь... но я въ любви нашель одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.

У Пушкина:

Я зналъ любовь, но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
Безумный сонъ похитнулъ томны вѣжды.

Такое же сходство замѣтно и въ концѣ обоихъ посланій. У Жуковскаго:

Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденье
За милыхъ слезы лить, страдать и погибать?
Ахъ! еслибъ мы могли въ сей области изгнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь кончать—
Кто бъ небо оскорбилъ безуміемъ роптанья!?

У Пушкина:

Но что? стыжусь! Нѣтъ, ропоть—униженье;
Нѣтъ, праведно боговъ опредѣленье.
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье,

И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенъе
Мой скромный даръ и счастье друзей!

Нѣкоторыя выраженія Жуковскаго, поразившія Пушкина, усвоивались имъ, можетъ быть, безсознательно, и повторялись безъ всякой связи съ цѣлымъ, изъ котораго заимствованы. Такъ, напримѣръ, выраженіе въ элегіи Жуковскаго *Вечеръ*:

Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ,

повторяется Пушкинымъ въ посланіи *Къ ней* (т. I, стр. 179):

Напрасно! я влачилъ постыдной лѣни грузъ,

хотя между этими стихотвореніями мало общаго. Нѣсколько стихотвореній Пушкина, какъ напримѣръ: *Пирующие друзья*, *Казакъ*, и *Мечтатель* (т. I, стр. 19, 59 и 70), написаны любимымъ размѣромъ Жуковскаго, и впервые встрѣчающемся въ его балладахъ, *Пѣвецъ во станъ русскихъ воиновъ* и *Пѣвецъ въ Кремль*. Но уваженіе Пушкина къ «пѣстуну и хранителю» его «вѣтренной музыки» и вліяніе его по духу и фактурѣ стиха особенно выразились въ посланіи *Къ Жуковскому* (т. I, стр. 154), которое принадлежитъ къ лучшимъ лицейскимъ стихотвореніямъ Пушкина. Испрашивая благословенія знаменитаго поэта, Пушкинъ воспоминаетъ о вниманіи, которымъ его обозрили Карамзинъ, Дмитріевъ, Державинъ, и наконецъ, Жуковский, дружескимъ участіемъ и заботливостью котораго съ первой же встрѣчи Пушкинъ дорожилъ всю жизнь:

И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла,
И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла?

Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ высказалъ свое сочувствіе къ лучшимъ дѣятелямъ нашей литературы, начиная отъ «полунощнаго дива» — Ломоносова до послѣдняго въ то время представителя ея — Жуковскаго, и насмѣялся надъ славянофилами, стремившимися и тогда къ обратному движенію мысли. Въ литературномъ отношеніи, по фактурѣ стиха, посланіе это напоминаетъ знаменитое посланіе Жуковскаго *Къ императору Александру*.

О личныхъ отношеніяхъ Пушкина къ Жуковскому, Карамзину, Дмитріеву, Батюшкову и къ арзамасскому обществу, избравшему молодаго поэта своимъ членомъ, упоминаетъ г. Бартеневъ во 2 и 3 гла-

вахъ его биографіи. Осенью 1817 г., находясь единственный разъ въ засѣданіи Арзамаса, Пушкинъ въ своей вступительной шуточной рѣчи, въ стихахъ, къ сожалѣнію не сохранившейся, упоминаетъ о дѣятельности Жуковскаго въ Арзамасѣ,

Гдѣ славилъ нашъ Тиртей кисель (*) и Александра,
Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра.

Но, не смотря на иронію, проглядывавшую мѣстами въ отзывахъ и сужденіяхъ Пушкина, онъ своимъ эстетическимъ чувствомъ едва ли не лучше всѣхъ своихъ современниковъ понималъ достоинства и недостатки поэзіи Жуковскаго, и не касаясь ея, по большей части бѣднаго и фальшиваго, содержанія, старался усвоить ея гармоническую, еще новую въ то время, форму. Впослѣдствіи, въ пору уже совершенной зрѣлости своего таланта, Пушкинъ еще болѣе сознавалъ заслуги Жуковскаго, и предсказывалъ, что

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль.

Гораздо труднѣе опредѣлить и прослѣдить вліяніе на Пушкина другихъ поэтовъ. Оно замѣтно только въ первые годы его дѣятельности, но было такъ слабо, заимствованія такъ ничтожны и такъ скоро исчезаютъ въ общемъ, что объ этомъ вліяніи можно только догадываться и даже знать, не имѣя однакожъ возможности сдѣлать опредѣлительныя указанія. Бѣлинскій весьма удачно сравнилъ поэзію Пушкина съ моремъ или великою рѣкою, заимствующими свои воды изъ другихъ рѣкъ. «Кто можетъ, говоритъ Бѣлинскій, разложить химически воду, напримѣръ, Волги, чтобъ узнать въ ней воды Оки и Камы? Принявъ въ себя столько рѣкъ, и большихъ, и малыхъ, Волга пышно катитъ свои собственныя волны, и всѣ, зная о ея безчисленныхъ похищеніяхъ, не могутъ указать ни на одно изъ нихъ, плывя по ея широкому раздолью. Муза Пушкина была вскормлена и воспитана твореніями предшествовавшихъ поэтовъ. Скажемъ болѣе: она приняла ихъ въ себя, какъ свое законное достояніе, и возвратила ихъ міру въ новомъ преображенномъ видѣ» («Сочиненія» Бѣлинскаго, ч. 8, стр. 300).

Военныя событія, возвеличившія, на время, Россію, дали новое, хотя искусственное возбужденіе поэтической дѣятельности Пушкина. Патріотическое настроеніе, овладѣвшее обществомъ, было прочувствовано и поэтомъ, который сверхъ того былъ свидѣтелемъ восторга при

(*) «Овсяный кисель»

возвращеніи побѣдителей, выразившагося въ торжественныхъ встрѣчахъ, стихахъ и праздникахъ. На одномъ изъ такихъ торжествъ, происходившемъ въ Павловскѣ 27 іюля 1814 г., въ числѣ зрителей были и лицеисты. Праздникъ этотъ, для котораго устроена была зала, извѣстная подъ названіемъ «розоваго павильона», описанъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1814 г. (№ 63), и потому не распространяемся о немъ; но приведемъ нѣсколько строкъ изъ личныхъ воспоминаній по этому случаю барона М. А. Корфа: «Сперва былъ балетъ на лугу передъ павильономъ, гдѣ декорации образовались изъ живой зелени, а задняя стѣна представляла окрестности Парижа и Монмартръ съ его вѣтряными мельницами, работы извѣстнаго декоратора Гонзаго. Потомъ былъ балъ въ новоустроенной залѣ, убранной снизу до верху розовыми гирляндами, произведеніемъ воспитанницъ Смольнаго монастыря... «Нашъ Агамемнонъ», низложитель Наполеона, миротворецъ Европы, сіялъ во всемъ величій, какое только доступно человѣку; кругомъ его — блестящая молодежь въ эполетахъ и аксельбантахъ, едва только возвратившаяся изъ Парижа съ самыми свѣжими лаврами, пожатыми не на одномъ только полѣ битвъ, и среди этой пестрой, ликующей толпы, счастливая мать, гордящаяся своимъ сыномъ и его Россіею... Какъ все это свѣжо еще въ моей памяти, даже до краснаго кавалергардскаго мундира, въ которомъ танцевалъ государь!... Нашъ, скромныхъ зрителей, привели, разумѣется, пѣшкомъ, изъ Царскаго Села, чтобъ полюбоваться этими диковинками. На балетъ мы смотрѣли изъ сада; на балъ — съ окружающей залу галлерей. Потомъ, повели насъ обратно, пѣшкомъ же, безъ чаю, безъ яблочка, безъ стакана воды». Пушкина особенно занимали устроенныя между дворцомъ и павильономъ триумфальныя ворота, на которыхъ, какъ будто въ насмѣшку надъ ихъ малымъ размѣромъ, были написаны два стиха Буниной:

Тебя, текуща нынѣ съ бою,
Врата побѣдны не вмѣстятъ!

Стихи эти взяты изъ *Пѣсни Александру Великому, побѣдителю Наполеона и возстановителю царствъ*, изданной отдѣльно въ 1814 г., а впоследствии помѣщенной въ «Собраніи стихотвореній Анны Буниной» 1819 г. (ч. I, стр. 25). Пушкинъ по этому поводу набросалъ перомъ рисунокъ, изображавшій замѣшательство, происходившее будто бы у «побѣдныхъ вратъ»: лица, составлявшія шествіе, видятъ, приближаясь къ воротамъ, что они дѣйствительно «не вмѣстятъ» государя, который при томъ еще пополнѣлъ въ Парижѣ, и нѣкоторые изъ свиты бросаются рубить ихъ. Остроумный рисунокъ, представлявшій нѣсколько портретовъ, скоро распространился и былъ пода-

ренъ Пушкинымъ К. А. Карамзиной. Автора невинной шутки долго искали, — но, разумѣется, не нашли.

Подъ вліяніемъ воинственнаго и патріотическаго направленія, на которое, въ общемъ хорѣ, отозвалась, какъ мы уже видѣли (глава I, стр. 153), и лицейская муза, Пушкинъ написалъ холодное риторическое стихотвореніе *Наполеонъ на Эльбѣ и Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Оба произведенія отнесены издателями неправильно къ 1815 г., вѣроятно потому, что въ этомъ году были напечатаны; но написаны они во второй половинѣ 1814 г. Это подтверждается содержаніемъ перваго и обстоятельствами втораго: *Наполеонъ* пробылъ на Эльбѣ съ мая того года по февраль 1815, а *Воспоминанія* прочитаны на публичномъ экзаменѣ 8 января 1815 г., но предварительно разсматривались начальствомъ, были представлены графу Разумовскому и были прочтены при немъ на репетиціи, происходившей за нѣсколько дней до экзамена, который начался 4 января. Оба стихотворенія навѣяны одами Державина, и такъ же, какъ онѣ, холодны и напыщенны; въ нихъ, особенно въ *Наполеонѣ*, такъ же много дѣтски-хвастливаго забіячества, составлявшаго въ то время главный ингредиентъ патріотическихъ сочиненій. Черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ, какъ бы желая изгладить впечатлѣніе рутиннаго патріотизма и взглядовъ, высказавшихся въ этихъ стихотвореніяхъ, написалъ въ 1821 г. двѣ новыя оды о Наполеонѣ (т. I, стр. 251 и 255), напечатанныя съ пропусками въ обожхъ изданіяхъ, а въ 1829 г. новыя *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ* (т. I, стр. 422). Первыя двѣ можно считать какъ бы искупленіемъ мыслей, высказанныхъ лѣтъ за шесть предъ тѣмъ о Наполеонѣ, котораго Пушкинъ называлъ «губителемъ» и «хищникомъ», и заставлялъ «свирѣпо прошептать» предсказаніе своего «позора». Въ одѣ *Наполеонъ*, написанной на его смерть, Пушкинъ, съ спокойствіемъ, уже чуждымъ всякой злобы, говоритъ о «великомъ человѣкѣ»:

Когда надеждой озаренный,
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галль десницею разъяренной
Повергнулъ ветхій свой кумиръ....

Тогда въ волненьи бурь народныхъ,
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.

Свѣтлый, гуманнѣйшій взглядъ поэта особенно выразился въ словѣ примиренья, такъ энергически завершающемъ эту оду. Другое сти-

хотвореніе о Наполеонѣ напечатано въ берлинскомъ изданіи 1861 г. «Стихотвореній» Пушкина (стр. 22—25) подъ именемъ *Отрывокъ* («Недвижный стражъ дремалъ»...), изъ десяти строфъ котораго помещены въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ «Сочиненій» Пушкина (т. I, стр. 255) только послѣднія пять, и то съ большими пропусками и невѣрностями.

Въ стихотвореніи этомъ Наполеонъ является уже, какъ

... чудный мужъ, посланникъ провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго вѣдѣнья,

и поэтъ говоритъ о немъ:

IX.

Нѣтъ! чудный взоръ его, живой, неувидимый,
То въ даль затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перунъ, какъ молнія сверкалъ;
Во цвѣтѣ здравія и мужества, и мощи,
Владыкѣ полунощи (*)
Владыка запада грозящій предстоялъ.

X.

Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
Дружины съвера гнала его десница,
И Русскій въ первый разъ предъ гибелью бѣжалъ;
Таковъ онъ былъ, когда съ побѣднымъ договоромъ
И съ миромъ.....
Предъ юношей паремъ въ Тильзитѣ предстоялъ.

Тотъ же примирительный тонъ, но уже съ примѣсью грусти, неудовлетворенія и раскаянья, вынесенныхъ изъ жизни, слышится въ его *Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ* 1829 г., въ которыхъ находимъ и трогательное обращеніе къ лицу:

Я думалъ о тебѣ, пріютъ благословенный,
Воображалъ сіи сады!
Воображалъ сей день счастливый,
Когда среди нихъ возникъ лицей,

(*) Во всѣхъ изданіяхъ вмѣсто *Владыкѣ* напечатано *Во мракѣ*. Только въ статьѣ г. Баргенера *Пушкинъ въ южной Россіи* («Русская Рѣчь» 1861, № 93, стр. 644), отрывокъ изъ этого стихотворенія приведенъ правильно.

И слышалъ снова шумъ игривый,
 И видѣлъ вновь семью друзей!
 Вновь вѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
 Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
 Скитался по дугамъ, по рощамъ молчаливымъ...
 Поэтому забывался я!

Публичный экзаменъ, о которомъ упомянуто выше, былъ произведенъ, въ управленіе Гауэншильда, 4 и 8 января 1815 г., для перевода воспитанниковъ въ старшій курсъ. Въ «Сынѣ Отечества» 1815 г. (ч. 19, № II, стр. 87) напечатано объ этомъ испытаніи краткое, совершенно «казенное» извѣстіе, въ которомъ сказано, что «испытаніе сіе, удовлетворивъ ожиданіямъ публики, свидѣтельствуешь, съ какимъ отеческимъ стараніемъ начальство печется о образованіи ввѣреннаго ему юношества». Въ какой степени Пушкинъ и Дельвигъ «удовлетворили ожиданіямъ публики» — неизвѣстно. Послѣдній въ письмѣ къ своей теткѣ отъ 6 октября того же года говоритъ только, что у нихъ былъ экзаменъ, «и, слава Богу, благополучно кончился». Посѣтителей было не много, но въ числѣ ихъ находились Уваровъ, Филаретъ, Иннокентій, и въ послѣдній день Державинъ. На первомъ экзаменѣ читалъ М. Л. Яковлевъ разсужденіе *О причинахъ, охлаждающихъ любовь къ отечеству*, написанное имъ на заданную тему, и выбранное гр. Разумовскимъ предпочтительно предъ другими сочиненіями; а на второмъ читалъ Пушкинъ свои *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*. Державинъ, выслушавъ это произведеніе, въ которомъ чувствовалось ему что-то родственное, растроганный, сказалъ: «я не умеръ», и хотѣлъ обнять своего преемника. Объ этомъ обстоятельстве Пушкинъ воспоминаетъ въ упомянутомъ выше посланіи *Къ Жуковскому*:

И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
 Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,
 Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой,
 И счастье мнѣ предрекъ, неизнаемое мной,

и въ восьмой главѣ *Евгенія Онегина* (т. III, стр. 185), говоря о музѣ, являвшейся ему въ лицѣ:

И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ:
 Успѣхъ насъ первѣй окрылилъ;
 Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
 И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Благоговѣніе Пушкина и Дельвига къ Державину, восторгъ его, возбужденный звучными и сильными стихами, и замѣшательство

молодаго поэта очень живо описаны имъ, и, безъ сомнѣнія, памятли читателямъ, тѣмъ болѣе, что разсказъ этотъ часто повторялся. Когда черезъ годъ послѣ того Державинъ скончался (8 юля 1816 г.), Дельвигъ высказалъ свое удивленіе къ нему одою на его смерть. Эта неизданная ода, написанная бѣлыми стихами, напыщенная, длинная и неуклюжая, почему и не приводимъ ее, оканчивается обращеніемъ къ Пушкину, въ которомъ Дельвигъ первый предсказалъ великаго поэта, и котораго считалъ законнымъ преемникомъ Державина. Любопытно сравнить юношеское восторженное удивленіе Пушкина Державину съ совершенно противоположнымъ мнѣніемъ о немъ, высказавшимся черезъ десять лѣтъ въ письмѣ къ Дельвигу изъ Михайловскаго отъ 5 июня 1825 г., не вошедшемъ напечатанномъ въ трудѣ г. Анненкова (стр. 156—157). Вотъ что пишетъ Пушкинъ: «По твоимъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего — и вотъ окончательное о немъ мнѣніе: этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего знаешь). *Что же въ немъ? мысли, картины и движенія истинно поэтическія.* Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей-Богу, его геній думалъ по татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что знаемъ о немъ, не говоря ужъ о его министерствѣ. У Державина должно сохранить будетъ одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова. Жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ». Въ этомъ поразительно-мѣткомъ сужденіи Пушкинъ ошибся только въ одномъ: произведенія Державина уже давно переведены на европейскіе языки, но Европа не изумилась.

Нѣсколько большею искренностью и простотою, сравнительно съ упомянутыми двумя воинственно-патріотическими стихотвореніями, отличается, принадлежащее къ тому же направленію, стихотвореніе *На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году*. Въ этой одѣ, написанной въ концѣ 1815 г. (государь возвратился 1 декабря), чувствуется мѣстами отрѣшеніе отъ натянутой официальной манеры, а въ стихѣ, уже довольно звучномъ, слышится вліяніе Жуковского. Но, не смотря на искренность патріотическаго порыва, вспыхивающаго мѣстами въ этомъ стихотвореніи, оно вообще холодно и натянуто.

Въ первой половинѣ 1816-го года Пушкинъ написалъ стихо-

твореніе *Къ принцу Оранскому* (т. I, стр. 127). Наслѣдныи принцъ Оранскій, впослѣдствіи король нидерландскій Вильгельмъ II, послѣ сраженія при Ватерлоо, въ которомъ былъ раненъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ, въ декабрѣ 1815 г., для бракосочетанія съ великою княжною Анною Павловною. Обрученіе ихъ происходило 28 января, бракосочетаніе 9 февраля 1816 г., а 10 іюня молодые уже уѣхали изъ Петербурга. Въ честь ихъ происходили торжества въ столицѣ, а одинъ изъ праздниковъ данъ былъ въ Павловскѣ, въ розовомъ павильонѣ. По этому случаю императрица Марія Феодоровна поручила Нелединскому-Мелецкому написать стихи; но устарѣвшій поэтъ, не надѣясь на свои силы, поѣхалъ въ лицей, передалъ это порученіе Пушкину, которому далъ и главную мысль, а черезъ часъ или два уѣхалъ изъ лицея уже съ стихами. Праздникъ этотъ, состоявшій изъ представленія народныхъ фламандскихъ сценъ на лугу передъ павильономъ, описанъ въ «Сѣверной Почтѣ» 1816 г. (№ № 47 и 50), гдѣ находимъ слѣдующее указаніе: «Группы поселянъ обоюга пола производили пляски, игры и соединясь воспѣли хоръ, коимъ выражалась ихъ любовь къ храброму принцу, предмету сего праздника. Послѣ сего хора пѣты были куплеты, въ честь великихъ успѣховъ его при знаменитой одержанной побѣдѣ.» Изъ донесенія Энгельгардта министру на другой день праздника, видно, что стихи, написанные Пушкинымъ, по порученію Нелединскаго-Мелецкаго и Карамзина, пѣлись во время ужина, и за нихъ Пушкинъ получилъ отъ государыни золотые часы съ цѣпочкою (дѣло лицейскаго архива 1816 г. № 407). Ода эта, хоть написанная по заказу и въ самый короткій срокъ, принадлежитъ къ лучшимъ лицейскимъ стихотвореніямъ.

Въ томъ же (1816 г.) къ празднованію дня основанія лицея Пушкинъ написалъ *Боже! Царя храни* (т. I, стр. 537), пьесу, напечатанную въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ. Стихотвореніе это было пропѣто воспитанниками на праздникъ, на голосъ англійскаго народнаго гимна «God save the king», въ подражаніе которому и написано.

Пушкинъ не продолжалъ болѣе въ оффиціально-торжественномъ направленіи, несвойственномъ его «стыдливой музѣ». Въ томъ же году онъ написалъ отрывокъ *Сонъ* (т. I, стр. 14), и первая строка его свидѣтельствуетъ, что онъ распростился съ этимъ родомъ поэзіи. Подтверженіе этому находимъ въ его *Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны*, написанномъ, по словамъ Пушкина, еще въ лицей, но отнесенномъ издателями къ 1819 году (т. I, стр. 212), въ которомъ онъ былъ напечатанъ въ «Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія». Вотъ начало этого

стихотворенія, невѣрно напечатаннаго въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ,
И силѣ въ гордости свободной (*)
Кадиломъ лести не кадилъ.
Природу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рождень царей забавить
Стыдливой музою моею.

Впослѣдствіи, Пушкинъ, хотя возвращался на тотъ же путь (*Стансы, Клеветникамъ Россіи, Бородинская годовщина*), но лишь случайно, и немедленно попалъ на другую дорогу... Официальное и воинственное пѣснопѣніе до того было не въ характерѣ его поэзіи, что вслѣдъ за *Воспоминаніями въ Царскомъ Селѣ и Наполеономъ на Эльбѣ*, Пушкинъ въ 1815 г., какъ бы оправдываясь въ увлеченіи несвоею ему воинственностью, сознается въ стихотвореніи *Мечтатель* (т. I, стр. 70), что для него тишина прелестнѣе бранной славы, и что муза, осынившая его съ дѣтства,

Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла.

Та же мысль, но еще съ большею опредѣлительностью, выражена въ посланіи на именины товарищу поэта *Князю А. М. Горчакову* (т. I, стр. 554):

Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавый,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ?
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ летала вслѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенкой поздравить...
Онъ лучше музъ на вѣкъ оставить...

Почти тоже повторяетъ онъ въ *Заздравномъ кубкѣ* (т. I, стр. 102), стихотвореніи, навѣянномъ *Пушшевою пльсю* (Punschlied) Шиллера.

(*) Въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ ошибочно напечатано:

И въ силѣ, въ гордости свободной.

Послѣдняя, переведенная Пушкинымъ, и очень близко, въ томъ же (1816) году, но отпесенная издателями къ произведеніямъ неизвѣстныхъ годовъ (т. I, стр. 563), есть единственное стихотвореніе, заимствованное имъ изъ нѣмецкой литературы, которую онъ по какому-то предубѣжденію не любилъ, и съ которою даже не старался ознакомиться. Другой переводъ этой пѣсни сдѣланъ въ 1856 г. Меемъ («Сочиненія» т. III, 1863 г., стр. 200). Но мысль и выраженія великаго германскаго поэта, которымъ Пушкинъ подчинился въ этомъ случаѣ какъ переводчикъ, дали ему поводъ написать свою застольную пѣсню «Заздравный Кубокъ», въ которой однакожь слышится духъ Шиллера и его же размѣръ стиха. Произведеніе это, конечно, не принадлежитъ къ числу лучшихъ; но своею юношескою свѣжестью и искренностью вакхическаго порыва, оно особенно нравилось другому великому художнику звуковъ, Глинкѣ, который уже въ послѣднюю пору своей дѣятельности написалъ на него прелестную музыку. Вторая строфа «Заздравнаго Кубка», въ которой особенно выразилось противу-воинственное направленіе Пушкина, невѣрно напечатана во всѣхъ изданіяхъ, и потому приводится съ рукописи:

Пейте за славу,
Славы друзья!
Браней забаву
Любить... не я.
Это веселье
Не веселить:
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжить.

Третій и четвертый стихи были напечатаны съ чьими-то произвольными поправками:

Бранной забавы
Любить нельзя,

Это дало поводъ къ недоумѣніямъ критики: С. П. Шевыревъ, разбирая въ «Москвитянинѣ» 1841 г. (№ IX) вышедшіе тогда IX, X и XI томы сочиненій Пушкина, замѣтилъ (стр. 251), что слѣдуетъ чигать:

Браней забаву
Любить не я.

Надъ этой поправкой посмѣялся въ «Современникѣ» 1856 г. (т. I) Н. Г. Чернышевскій, въ третьей статьѣ *Очерковъ Гоголевскаго періода Русской литературы* (стр. 104): «Этой поправки хвалить не я». Между тѣмъ г. Шевыревъ, на этотъ разъ, былъ недалеко отъ истины,

Къ сожалѣнію, нельзя этого сказать о другихъ *исправленіяхъ* Пушкикина, сдѣланныхъ г. Шевыревымъ. Напримѣръ, стихъ въ лицейскомъ посланіи Пушкина къ Дельвигу (т. I, стр. 158):

Такъ рано встрѣтилъ я и зракъ кровавый.

г. Шевыревъ находитъ неполнымъ, замѣчая, что въ немъ «что нибудь да пропущено, — должно быть: и мести зракъ кровавый». Если что нибудь и пропущено, то во всякомъ случаѣ не *мести*, судя по обстоятельствамъ, и какъ видно изъ напечатанной вслѣдъ за тѣмъ (стр. 160) другой редакціи того же посланія:

Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавый...

Во второмъ *Подражаніи Данту* (т. I, стр. 463) недопечатанный стихъ:

Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей злой,

г. Шевыревъ поправляетъ:

Жиръ должниковъ своихъ сосалъ сей грѣшникъ злой,

уничтожая такимъ образомъ созвучіе въ двухъ терцинахъ; а слѣдуетъ:

. . . . . сей злой старикъ,

какъ и напечатано въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ. Въ *Каменномъ Гостѣ* (т. III, стр. 392) стихъ:

И сторожа кричатъ протяжно: ясно!..

по мнѣнію г. Шевырева, слѣдуетъ читать:

И сторожа кричатъ протяжно, ясно!

какъ поправлено и въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ. Между тѣмъ первоначальная редакція стиха совершенно правильна и представляетъ мѣстный колоритъ, потому что и до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ городахъ Испаніи, сторожа, возвѣщая по ночамъ о состояніи погоды, кричатъ: *sereno* или *anublado*, и проч.; да и по смыслу должно быть такъ, потому что ясному кастильскому небу вслѣдъ за тѣмъ противоплагается другое:

А далеко, на сѣверѣ, въ Парижѣ,
Быть можетъ, небо тучами покрыто...

Съ 1816 г. начинается замѣтный переломъ въ поэтической дѣятель-

ности Пушкина: онъ мало по малу освобождается отъ прежнихъ литературныхъ вліяній и становится болѣе самостоятельнымъ.

IV.

ДИРЕКТОРСТВО ЭНГЕЛЬГАРДА. — ЕГО ВЛІЯНІЕ. — МНѢНІЕ ЕГО О ПУШКИНѢ И ИХЪ ОТНОШЕНІЯ. — ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ПУШКИНА. — ЕГО ЭЛЕГИИ. — РАЗВЛЕЧЕНІЯ. — СТРЕМЛЕНІЕ КЪ ВОЕННОЙ СЛУЖБѢ. — ГУСАРСКІЙ КРУЖОКЪ. — ЭКЗАМЕНЪ. — ВЫПУСКЪ.

Съ назначеніемъ въ директоры Энгельгардта все измѣнилось въ лицѣ. Онъ горячо принялся за дѣло и, поддерживаемый расположеніемъ государя, который иногда съ нимъ разговаривалъ, встрѣчаясь въ саду, могъ дѣйствовать довольно самостоятельно, не опасаясь интригъ и непріятностей. Весьма естественное разъединеніе между юношествомъ и тупымъ, невѣжественнымъ начальствомъ, которому оно до тѣхъ поръ было ввѣрено, мало-по-малу исчезало по мѣрѣ того, какъ Энгельгардтъ пріобрѣталъ довѣріе. Посвятивъ себя совершенно дѣлу воспитанія, онъ въ самое короткое время успѣлъ близко ознакомиться съ порученными ему надзору юношами, и въ сохранившейся въ его бумагахъ рукописи *Etwas über die Zöglinge der höheren Abtheilung des Lyceums*, написанной 22 марта 1816 г., слѣдовательно менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца послѣ опредѣленія Энгельгардта, находимъ довольно вѣрную характеристику каждаго изъ нихъ. Представляемъ въ переводѣ нѣсколько выдержекъ изъ нея, не лишенныхъ интереса, какъ наблюденія опытнаго педагога надъ внутреннимъ міромъ замѣчательныхъ личностей. Самое строгое осужденіе выпало на долю Пушкина, въ которомъ Энгельгардтъ видѣлъ только дурныя стороны, и котораго охарактеризовалъ слѣдующимъ образомъ: «Его высшая и конечная цѣль — блестѣть, и именно поэзією; но едва ли найдетъ она у него прочное основаніе, потому что онъ боится всякаго серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни проницательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французскій умъ. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувствованія унижены въ немъ воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія». Энгельгардтъ, конечно, смотрѣлъ на Пушкина слишкомъ односторонне, только съ педагогической точки зрѣнія, и къ этому взгляду примѣшивалась еще

совершенная дисгармонія между ними, вслѣдствіе противоположности религіозныхъ воззрѣній; но при всемъ томъ въ приведенной характеристикѣ есть значительная доля правды, и если Энгельгардтъ не распозналъ въ поэтѣ проникнутаго гуманностью артистическаго чувства, управлявшаго каждымъ внутреннимъ его движеніемъ, то былъ правъ касательно недостаточности серьезнаго его образованія, и эту послѣднюю мысль находимъ и у Бѣлинскаго («Сочиненія» его ч. 8, стр. 401). Пушкинъ, съ своей стороны, чувствуя нерасположеніе къ нему Энгельгардта, также не любилъ его и, вопреки убѣжденіямъ своихъ товарищей, постоянно избѣгалъ сближенія съ нимъ. Чтобъ возстановить себя въ мнѣніи Энгельгардта, въ религіозномъ отношеніи, онъ написалъ *Безвѣріе* (т. I, стр. 170), холодное дидактическое стихотвореніе, которое читалъ на выпускномъ экзаменѣ, и которое Бѣлинскій справедливо причисляетъ къ самымъ слабымъ. О Дельвигѣ Энгельгардтъ высказался благосклоннѣе: «Въ немъ вспыхиваетъ иногда—пишетъ Энгельгардтъ,—хоть слабый, огонь поэзіи. Благодаря Жуковскому, онъ занимается съ нѣкотораго времени съ большимъ усердіемъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ играхъ и шуткахъ его выказывается нѣкоторая иронія. Онъ всѣми способами достаетъ себя книги, и читаетъ все безъ разбора, преимущественно во время лекцій. Русскую литературу онъ изучилъ лучше всѣхъ своихъ товарищей». О Кюхельбекерѣ находимъ слѣдующій отзывъ: «Читалъ все и обо всемъ; имѣетъ большія способности, прилежаніе, добрую волю, много сердца и добродушія, но въ немъ совершенно нѣтъ вкуса, такта, граціи, мѣры и опредѣленной цѣли. Чувство чести и добродѣтели проявляется въ немъ иногда какимъ-то донкихотствомъ. Онъ часто впадаетъ въ задумчивость и меланхолію, подвергается мученіямъ совѣсти и подозрительности, и только увлеченный какимъ нибудь обширнымъ планомъ, выходитъ изъ этого болѣзненнаго положенія. Въ дѣтствѣ онъ былъ одержимъ пляскою святаго Витта, а отецъ его умеръ отъ чахотки, которая и ему угрожаетъ». Объ Илличевскомъ Энгельгардтъ справедливо замѣчаетъ, что раннія похвалы повредили ему, и что въ умственномъ развитіи и наукахъ онъ остановился на той же степени, на которой находился при поступленіи въ лицей.

Съ первыхъ же дней директорства Энгельгардта бытъ воспитанниковъ совершенно измѣнился. Замкнутый кружокъ ихъ, предоставленный собственному развитію, мало-по-малу расширялся въ соприкосновеніи съ обществомъ, нравственное вліяніе котораго Энгельгардтъ считалъ однимъ изъ важныхъ элементовъ въ дѣлѣ образованія. Онъ приглашалъ къ себѣ воспитанниковъ, въ увѣренности, что домашнее обращеніе и привычка быть въ кругу семейства принесутъ

имъ пользу, тѣмъ болѣе, что недостатокъ общества и необходимыхъ развлеченій не рѣдко вызывалъ игру въ карты и другія запретныя удовольствія. О картежной игрѣ вспоминалъ самъ Пушкинъ, рассказывая въ 1833 г. А. А. Фуксъ о гадалщицѣ, предсказавшей ему полученеіе неожиданныхъ денегъ: «Я въ самомъ дѣлѣ получилъ съ почты письмо съ деньгами; и могъ ли я ожидать ихъ? Эти деньги прислалъ мой лицейскій товарищъ, съ которымъ мы, бывши еще учениками, играли въ карты, и я его обыгралъ». (*Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ Александры Фуксъ*, въ «Прибавленіяхъ къ казанскимъ губернскимъ вѣдомостямъ» 1844 г., № 2). «Въ домѣ Энгельгардта, говоритъ Пуцинь въ своихъ *Запискахъ* (стр. 23), мы познакомились съ обычаями свѣта, ожидавшаго насъ у порога лица, находили пріятное женское общество». Въ семействѣ Энгельгардта состоявшемъ изъ жены и пятерыхъ дѣтей, жила овдовѣвшая не задолго передъ тѣмъ Марія Смитъ, урожденная Chagon-Lagose, вышедшая впоследствии замужъ за Паскаля. Весьма миловидная, любезная и остроумная, она умѣла оживлять и соединять собиравшееся у Энгельгардта общество. Пушкинъ, который немедленно началъ ухаживать за нею, написалъ къ ней довольно нескромное посланіе *Къ молодой вдовѣ* (т. I, стр. 177), напоминающее заглавіемъ и отчасти мыслью эротическое посланіе Вольтера *A une jeune veuve*. Но вдова, не успѣвшая забыть мужа и готовившаяся быть матерью, обидѣлась, показала стихотвореніе своего въздыкателя Энгельгардту, и это обстоятельство было главною причиною непріязненныхъ отношеній между ними, продолжавшихся до конца курса. Къ г-жѣ Смитъ написаны еще Пушкинымъ *Слово милой* («Я Лилу слушалъ у клавира», т. I, стр. 139), и помѣщенное въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ *Лилъ* («Лила, Лила, я страдаю», т. I, стр. 571). «Лѣтомъ, продолжаетъ Пуцинь, въ вакантный мѣсяцъ, директоръ дѣлалъ съ нами дальнія, иногда двухдневныя, прогулки по окрестностямъ; зимой, для развлеченія, ѣздили на нѣсколькихъ тройкахъ за городъ, завтракать или пить чай въ праздничные дни; въ саду, на прудѣ, кагались съ горъ и на конькахъ. Во всѣхъ этихъ увеселеніяхъ участвовало его семейство и близкія ему дамы и дѣвицы, иногда и родные наши»... Въ числѣ послѣднихъ было и пріѣзжавшее на короткое время изъ Москвы семейство Дельвига, восьмилѣтней сестрѣ котораго, баронессѣ Марьѣ Антоновнѣ, Пушкинъ написалъ 22 декабря 1815 г. посланіе: «Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было» (т. I, стр. 94), а въ слѣдующемъ году стихотворенію *Къ Машѣ* (т. I, стр. 553). Послѣднее отнесено издателями къ произведеніямъ неизвѣстныхъ годовъ, но автографъ его, тщательно хранящійся у вызвавшей это посланіе, имѣетъ помѣтку: *1816 года. Лицей*. «Отъ сближенія нашего съ женскимъ обще-

ствомъ, говоритъ Пушкинъ, зарождался платонизмъ въ чувствахъ. Этотъ платонизмъ не только не мѣшалъ зніятіямъ, но придавалъ даже силы въ классныхъ трудахъ, нашептывая, что успѣхомъ можно порадовать предметъ воздыханій». Вліяніе женскаго общества, всегда дѣйствующаго благотворно и гуманно, особенно въ юношескіе годы, выразилось въ поэзіи Пушкина крутымъ поворотомъ отъ безсмысленныхъ пировъ и воинственнаго патріотизма къ художественному и нѣсколько элегическому созерцанію жизни, вызванному любовью, въ которой таится главный источникъ поэзіи.

Первыя проявленія страсти Пушкина, о которой мы говоримъ, относятся еще къ 1815 г. и сохранены въ его запискахъ. Fac-simile ихъ, приложенный къ біографіи поэта, написанной г. Анненковымъ, представляетъ именно тотъ отрывокъ, въ которомъ Пушкинъ говоритъ о предметѣ своей любви: «Нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ; по утру я мучился ожиданьемъ, съ неописаннымъ волненьемъ стоя подь окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу, ея не видно было!» Почти то же самое повторяется въ стихотвореніи *Слеза* (т. I, стр. 67), о которомъ Бѣлинскій несправедливо замѣчаетъ («Сочиненія» его, ч. 8, стр. 314), что оно вмѣстѣ съ піесами *Погребъ* и *Истина* написано какъ будто на мотивъ извѣстной піесенки Д. Давыдова «Мудрость». Стихотвореніе Пушкина вызвано дѣйствительностью и имѣетъ близкое отношеніе къ вышеприведенному отрывку изъ записокъ поэта:

Вчера за чашей пушшевою
Съ гусаромъ я сидѣлъ,
И молча съ мрачною душою
На дальній путь глядѣлъ...

Гусаръ также лицо не вымышленное, и есть, вѣроятно, А. Н. Зубовъ, которому Пушкинъ повѣрялъ свои сердечныя тайны, и въ альбомѣ котораго, при выпускѣ изъ лица, написалъ стихи (т. I, стр. 176):

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья,
Разлучитъ насъ холодный свѣтъ.
Кто вспомнитъ тайныя свиданья,
Мечты, восторги прежнихъ дѣтъ?

Но имя особы, возбудившей эту мечтательность, и которымъ оканчивается отрывокъ изъ записокъ Пушкина, тщательно зачеркнуто, какъ будто влюбленный поэтъ боялся довѣрить бумагѣ тайну своего сердца, и мы читаемъ только: «Какъ она мила была! какъ черное платье пристало къ милой Б!» Особа, вызвавшая эти первыя волнс-

нія страсти, была сестра одного изъ товарищей, К. П. Бакунина (впоследствии по мужу Полторацкая), въ которую, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, влюбились нѣсколько человекъ, что, разумѣется, связало ихъ между собою еще болѣе тѣсною дружбою. Въ одной изъ отброшенныхъ строфъ стихотворенія *19 октября 1825*, поэтъ, обращаясь къ Пушкину, говоритъ (т. I, стр. 332):

Мы вспомнили бѣ, какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ.
Какъ мы одну всѣ трое полюбили...

Третьимъ былъ Илличевскій. Въ упомянутой уже аттестаціи Энгельгардта находимъ подробность, свидѣтельствующую, что Пушкинъ былъ предприимчивѣе своихъ соперниковъ: «Несчастныя обстоятельства произвели на Пушкина вредное вліяніе. Онъ съ нѣкотораго времени особенно старается заинтересовать собою особъ другаго пола, пишетъ самыя отчаянныя письма и, жалуясь на службу, представляетъ себя лицомъ трагическимъ. Одно изъ такихъ писемъ попало въ мои руки, и я, по обязанности, долженъ былъ внушить молодому человѣку неумѣстность такого поступка въ его положеніи. Дружескій совѣтъ, казалось, произвелъ желанное дѣйствіе, но повтореніе подобнаго же случая доказало противное»...

У Пушкина эта страсть, сообразно его натурѣ, находила исходъ въ поэзіи. Первымъ произведеніемъ, предметомъ котораго является Бакунина, было стихотвореніе *Къ живописцу* (т. I, стр. 68), написанное еще въ 1815 г., и навѣянное пьесю Парни *Portrait d'une religieuse*. Въ послѣднемъ изданіи сочиненій Пушкина, подъ заглавіемъ этого посланія выставлено: (изъ Парни); между тѣмъ оно не есть переводъ, и кромѣ главной мысли, заимствованной изъ французскаго стихотворенія, мало имѣетъ съ нимъ общаго, уже потому, что Парни имѣлъ въ виду монахиню:

Ton pinceau doit emprisonner
Ces cheveux flottants sous un voile;
Couvre aussi d'une simple toile
Ce front qu'il faudrait couronner.
Cache sous la noire étamine
Un sein parfait dans sa rondeur...

Бѣлинскій, причисляя это стихотвореніе къ такимъ произведеніямъ Пушкина, которыя, по изобрѣтенію и формѣ, напоминаютъ собою предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы, говоритъ, въ подтвержденіе этого мнѣнія («Сочиненія» его, ч. 8, стр. 314), что «напримѣръ, пьеса «Къ живописцу» написана

какъ будто Державинымъ, предлагающимъ живописцу написать портретъ его Милены или Плъниры». Державинъ въ стихотвореніи *Къ Анжеликѣ Кауфманъ* дѣйствительно проситъ «живописицу преславну» написать его Милену,

Бѣлокурую лицомъ,
Стройну станомъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ...

Но основаніемъ стихотворенія Пушкина, какъ мы сказали уже, послужила дѣйствительность, мысль его взята изъ Парни, а обращеніе поэта къ живописцу относится къ лицейскому живописцу Илличевскому, хотя онъ рисовалъ преимущественно каррикатуры:

Дитя Харитъ и вдохновенья!
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши!

Поэтъ, даже въ позднѣйшее время, придавалъ нѣкоторое значеніе этому стихотворенію, намѣреваясь помѣстить его въ собраніи своихъ сочиненій, и для этого какъ видно, по сохранившейся на рукописи отмѣткѣ, «передѣлать все, оставя одну послѣднюю строку», дѣйствительно лучшую изъ всего стихотворенія:

Представь мечту любви стыдливой,—
И той, которою лышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

Живописецъ, т. е. Илличевскій, отвѣчалъ на это слѣдующимъ неизданнымъ стихотвореніемъ:

Всечасно мысль тобой питаю,
Хотѣлось мнѣ въ мечтѣ,
Тебя пастушкой, дорогая,
Представить на холстѣ:

Харитъ и нимфъ въ лицѣ прекрасной
Я собралъ всѣ черты:
Сравнилъ съ тобою: трудъ напрасный!
Стократъ прелестнѣй ты!

Хотѣлъ писать тебя царицей:
Блится образъ твой
Въ златомъ вѣнцѣ подъ багряницей
Елены красотой.

Любуясь на трудъ завѣтный,
 Горжусь въ восторгѣ имъ.
 Сравниль съ тобой: усиля тщетны!
 Ты божество предъ нимъ!

Нѣтъ! видно мысль одна дерзаетъ
 Постичь красу твою.
 Предъ совершенствомъ повергаетъ
 Искусство кисть свою.

Амуръ всего удачнѣй пишетъ
 Въ сердцахъ твой милый видъ,
 А страсть, какой влюбленный дышетъ,
 На вѣкъ его хранить.

Въ стихотвореніи *Мое завѣщаніе друзьямъ* (т. I, стр. 63), Пушкинъ говоритъ:

Мои стихи дарю забвенью,
 Послѣдній вздохъ, о други, — ей!

Тревоги любви высказались у поэта въ цѣломъ рядѣ элегій, относящихся къ 1816 г. и представляющихъ, какъ справедливо замѣтилъ г. Анненковъ въ примѣчаніяхъ къ нимъ (т. II, стр. 153), первыя проявленія самостоятельности, первыя попытки къ выходу изъ французскаго анакреонтическаго направленія.

Въ первой изъ этихъ элегій *Желаніе* (т. I, стр. 128), молодой поэтъ, изливая

Всѣ горести несчастливой любви,

совершенно искренно дорожить своею тоскою:

Мнѣ дорого любви моей мученье,
 Пускай умру, но пусть умру любя.

Въ послѣднемъ стихѣ еще слышится чужой отголосокъ, именно Карамзина, въ стихотвореніи *Отставка*:

Люблю, люблю, но пусть умру любя!

Слѣдующая элегія, *Осеннее утро* (т. I, стр. 129), написана подъ вліяніемъ разлуки съ Бакуниной, переѣхавшей съ своимъ семействомъ изъ Царскаго села въ Петербургъ. Съ ея отъѣздомъ, все опустѣло для поэта «до сладостной весны»:

Ужъ нѣтъ ея... Я былъ у береговъ,
 Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;

На берегу, на зелени луговъ
 Я не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
 Оставленныхъ ногой ея прекрасной.
 Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ,
 Произносилъ я имя несравненной,
 Я звалъ ее—и гласъ уединенный
 Пустыхъ долинъ позвалъ ее вдали.
 Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченный;
 Его струи медлительно текли:
 Не трепеталъ въ нихъ образъ незабвенной.
 Ужъ нѣтъ ея!.. До сладостной весны
 Простился я съ блаженствомъ и съ душою...

Отъѣздъ этотъ вызвалъ еще другое стихотвореніе, напечатанное въ двухъ послѣднихъ изданіяхъ въ первоначальномъ и исправленномъ видѣ, подъ заглавіями *Разлука* и *Уныніе* (т. I, стр. 136 и 138). Въ немъ высказывается та же грусть влюбленнаго:

Я все тебя, далекій другъ, ищу;
 Одну тебя вездѣ воспоминаю,
 Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ;
 Задумаюсь—неволью призываю,
 Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ...

Объ этомъ же отъѣздѣ намекаетъ Дельвигъ, въ письмѣ къ своей теткѣ отъ 6 октября 1816 года: «Садъ сѣтуеетъ, не видя прелестныхъ петербургскихъ дамъ, которыя цѣлое лѣто жили въ Царскомъ селѣ, и срываетъ съ себя зеленую одежду. Мы ходимъ подъ шумомъ опустошенныхъ деревьевъ и забавляемъ себя прошедшимъ и будущимъ. Тамъ мы по нѣскольکو часовъ слушали громкую музыку гусарскаго полка, теперь все молчитъ и отвѣчаетъ своими грустными и пустынными видами нашему унылому сердцу».

Въ элегіи *Счастливъ, кто въ страсти самъ себя* (т. I, стр. 130), повторяются жалобы на мученія любви, а слѣдующія двѣ элегіи *Окно* (стр. 132) и *Мысль* (стр. 131), хотя навѣяны тѣмъ же настроеніемъ духа, но дѣйствительность, которая могла бы служить для нихъ основою, затемнена какою-то туманною фантазіею. Въ элегіи *Опять я вашъ, о, юные друзья!* (стр. 133) Пушкинъ обращается къ товарищамъ:

Туманные сокрылись дни разлуки,
 И брату вновь простерлись ваши руки,
 Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я!
 Все тѣ же вы, но сердце ужъ не то же:
 Уже не вы ему всего дороже,
 Ужъ я не тотъ.

Время и обстоятельства ослабили мало по малу эту юношескую привязанность, которая окончилась разлукой, и вслѣдъ за нею перешла въ область воспоминаній. Въ 1817 г., въ стихотвореніи *Наслажденіе* (т. I, стр. 164), поэтъ вспоминаетъ о своей любви, какъ о давно прошедшемъ:

Златѣя крылья развивая,
Волшебной, нѣжной красотой,
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.
Я мчался къ цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!..

Позднѣйшее воспоминаніе объ этихъ первыхъ тревогахъ сердца, связанное съ воспоминаніями лицейской жизни, находимъ въ стихотвореніи, написанномъ въ альбомъ Пушкину передъ самымъ выпускомъ изъ лицея (т. I, стр. 168). Приводимъ начало этого стихотворенія съ вариантами по рукописи, указанными Е. И. Якушкинымъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1858 г. (№ 11, стр. 334), но не внесенными въ послѣднее изданіе:

Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней,
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Мечты молодой души твоей,
Печали, радости, надежды, наслажденья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! Она прошла...

Послѣднее воспоминаніе объ этой привязанности находимъ уже за порогомъ лицея, въ посланіи *Къ ней* (т. I, стр. 179). Въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ, отрѣшившись отъ прежнихъ волненій, и вспоминая, какъ онъ «подъ сѣнью тишины» воспѣвалъ

Волненіе любви, увыніе разлуки,

примириется съ жизнью, которая снова для него разцвѣла со всѣми радостями, скорбями и любовью, и оканчиваетъ посланіе вполнѣ художественнымъ воззваніемъ уже къ другому лицу:

Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздастся голось юный,
И съ звонкимъ трепетомъ воскреснувшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ!

Это была послѣдняя поэтическая дань юношескому чувству, которое въ новой обстановкѣ совершенно изгладилось подъ влияніемъ другихъ стремленій, привязанностей и тревогъ.

Въ самомъ началѣ своего директорства, Энгельгардтъ, сознавая нецѣльность совершеннаго разбѣдиненія учащейся молодежи съ дѣйствительною жизнью, разрѣшилъ отпуски изъ лицея въ предѣлахъ Царскаго Села, и по примѣру директора, нѣсколько семейныхъ домовъ открылись для лицействовъ, именно: дома Вельо, Севериной и барона Теппера де-Фергюсона, находившихся въ родственныхъ между собою отношеніяхъ и постоянно жившихъ въ Царскомъ Селѣ. Послѣдній, женатый на дочери Севериной, былъ сынъ богатаго, потомъ раззорившагося варшавскаго банкира, и поступилъ въ лицей по протекціи стариннаго своего пріятели Энгельгардта, учителемъ музыки и пѣнія. Онъ, хотя не имѣлъ голоса, хорошо училъ пѣнію и сочинялъ для воспитанниковъ духовные концерты. Въ его классѣ соединялись оба курса лицея, старшій и младшій, не сходявшіеся ни на лекціяхъ, ни въ рекреационное время. Тепперъ былъ большой оригиналъ, но человѣкъ образованный, и лицейсты часто заходили въ его домикъ, принадлежащій нынѣ г-жѣ Липранди, возлѣ дачи князя Барятинскаго. У Теппера каждый вечеръ собирались по нѣскольку человѣкъ, пили чай, болтали, занимались музыкой и пѣніемъ. У него же, въ воскресенье, происходили литературныя бесѣды, задавались темы, на которыя приготавлилось къ слѣдующему воскресенью нѣсколько сочиненій, и такимъ образомъ совершались литературныя состязанія, на которыхъ Пушкинъ первенствовалъ. Темы представлялись сами собою, и на одну изъ такихъ, заданную при прощаньи: *just-qu'au plaisir de nous revoir*, Пушкинъ написалъ въ 1817 г. легкіе и остроумные куплеты, помѣщенные въ послѣднемъ изданіи его сочиненій въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ (т. I, стр. 575). Въ отвѣтъ на нихъ Пушкинъ получилъ слѣдующее посланіе, кажется, самого Теппера:

Lorsque je vois de vous, monsieur,
 Les vers faits avec tant de grâce,
 Je me résigne, et de bon coeur,
 A vous céder sitôt la place.
 Votre talent, sans grand pouvoir,
 De beaucoup le mien efface.
 Je n'en ai vu que la surface,
 Mais c'est pour lui dire à revoir.

Est-ce avec vous qu'il me convient,
 En rimant de rompre une lance?

Si mon courage me soutient,
Phébus me condamne au silence.
Il me dit que j'ai beau vouloir,
Je risque trop en conscience
Et mes couplets, quoique j'en pense,
Seront *des couplets à revoir*.

Au revoir est un vieux dicton,
Qui jamais ne passe de mode
S'il est souvent dit sans raison,
Dans bien des cas il est commode.
Un parleur au loin se fait voir
Dont le jargon peu m'accomode:
Pour prévenir sa période
Rien de meilleur qu'un *au revoir*.

Для этого же общества, и на сказанное кѣмъ-то выраженіе «съ позволенія сказать» Пушкинъ написалъ въ 1817 же году слѣдующее стихотвореніе, не сохранившееся въ рукописи, и записанное нами со словъ товарищей поэта:

Съ позволенія сказать,
Я сердить на васъ ужасно,
Нѣтъ! вы просите напрасно,
Не хочу стиховъ писать:
Можноль честному поэту
Ставить къ каждому куплету:
Съ позволенія сказать?

Съ позволенія сказать,
Моськина (*), по мнѣ, прекрасна.
Знаю, что она опасна:
Мужу хочется бодать;
Но гусары, вѣдь, невинны,
Что у мужа роги длинны,
Съ позволенія сказать.

Съ позволенія сказать,
Много въ свѣгѣ рюмодѣвъ,
Все ученыхъ грамотѣвъ,
Чтобы всякій вздоръ писать;
Но въ примѣръ и страхъ Европы,

(*) Жена одного изъ служившихъ въ царскосельскомъ дворцовомъ правленіи

Многимъ можно бѣ высѣчь....,
Съ позволенія сказать.

Такимъ образомъ темы представлялись сами собою, и иногда самое ничтожное обстоятельство вызывало стихотвореніе. Пушкинъ рассказываетъ въ своихъ «Запискахъ» (стр. 18), что Пушкинъ, сидя съ нимъ у окна бібліотеки, бывшей любимымъ сборнымъ мѣстомъ воспитанниковъ и находившейся въ залѣ надъ аркою, соединяющей дворецъ и зданіе лицея, увидѣлъ двухъ женщинъ, которыя спорили, выходя отъ всенощной, и написалъ по этому случаю стихотвореніе. Но въ «Атенеѣ» 1859 года (№ 8) напечатано лишь его начало, въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1861 года (№ 19), оно явилось безъ конца, и только въ берлинскомъ изданіи 1861 г. стихотвореній Пушкина оно напечатано почти вполнѣ, и потому приводимъ съ рукописи Пушкина эту стихотворную шутку:

Отъ всенощной, вѣчоръ, идя домой,
Антипьевна съ Марѣушкою бранилась.
Антипьевна отмѣнно горячилась:
— Постой, кричить, управлюсь я съ тобой!
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда забравшись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
Постой, о всемъ узнаетъ муженекъ!
— Тебѣ ль грозить? Марѣушка отвѣчаетъ:
Ванюша что? Вѣдь онъ еще дитя.
А свать Трофимъ, который у тебя
И день, и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчи жъ кума: и ты, какъ я, грѣшна;
Словами жъ всякаго, пожалуй, разобидишь.
Въ чужой..... соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

Литературныя собранія у царскосельскихъ жителей обыкновенно бывали зимою, а лѣтомъ предпринимались прогулки, или все общество собиралось на музыкѣ передъ дворцомъ. По этому поводу Пушкинъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ (стр. 21), какъ Пушкинъ, проходя къ музыкѣ темнымъ дворцовымъ корридоромъ, хотѣлъ поцаловать горничную Фрейлины княжны Волконской Наташу, но вмѣсто нея поцаловалъ княжну. За Наташей ухаживали и его товарищи, встрѣчаясь съ нею въ церкви, въ переходахъ дворца и на прогулкахъ. Нѣкоторые даже вдохновлялись ею, какъ, напримѣръ, Корсаковъ, и къ ней же относится посланіе Пушкина *Къ Наташѣ* (т. I, стр. 548), помѣщенное въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ, но напечатанное осенью 1816

года, по тому поводу, что Наташа, слѣдуя за дворомъ, должна была переселиться въ Петербургъ, къ досадѣ гонявшейся за нею молодцы:

Скоро, скоро холодъ зимній
 Рошу, поле посѣтитъ;
 Огонекъ въ лачужкѣ дымной
 Скоро ярко заблеститъ.
 Не увижу я прелестной,
 И, какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
 Долго (*) буду горевать
 И Наташу вспоминать.

Г. Шевыревъ, говоря въ «Москвитянинѣ» 1841 года (№ 9) о лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, замѣчаетъ, что «такія піесы, какъ: *Красавица, которая нюхала табакъ*, и особенно *Къ Натальѣ*, и *Къ Наташѣ*, едва ли могутъ быть ему приписаны» (стр. 254). Стихотворенія эти дѣйствительно очень плохи, но въ принадлежности ихъ Пушкину не допускаютъ сомнѣнія объясненныя нами обстоятельства, при которыхъ они написаны, свидѣтельство товарищей поэта и лицейскія рукописи.

Съ іюня 1816 года, для желающихъ поступить въ военную службу, введены были военныя науки, и къ преподаванію ихъ былъ приглашенъ полковникъ баронъ Эльснеръ. Пушкинъ также мечталъ о военной службѣ, и намѣревался поступить въ лейбъ-гусарскій полкъ, въ которомъ было много его пріятелей. Мечты о военной службѣ занимали поэта давно, и высказались еще въ 1815 году въ упомянутомъ уже выше посланіи *Къ Галичу*:

Прости пріютъ младыхъ отрадь!
 Надѣну узкія рейтузы,
 Завью въ колечки гордыя усь,
 Заблещетъ пара эполетовъ,
 И я, питомецъ важныхъ Музъ,
 Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!

Въ воображеніи Пушкина рисовался привлекательный въ годы первой молодости мундиръ, какъ свидѣтельствуется посланіе его къ Ю (Юшкову), лейбъ-гусарскому офицеру, (т. I, стр. 151):

Мечты находятъ, исчезаютъ,
 Какъ тѣнь на утренней зарѣ...
 Я слышу топотъ, слышу ржанье;

(*) А не дома, какъ напечатано во всѣхъ изданіяхъ.

Блеснувъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментика сіяньи,
Гусарь промчался подъ окномъ.

Тѣми же «гусарскими мечтами», какъ называлъ ихъ самъ Пушкинъ, внушены отчасти стихотворенія *Слеза* (т. I, стр. 67), о которомъ уже сказано выше, и которое напоминаетъ по мотиву *Разлуку Батюшкова* («Гусарь, на саблю опираясь»), и «философическая» ода *Усы* (стр. 162). Но отецъ поэта, Сергій Львовичъ, отговариваясь недостаточностью средствъ, чтобъ содержать его въ гусарахъ, соглашался только на поступленіе сына въ гвардейскій пѣхотный полкъ; а дядя, Василій Львовичъ, и другіе родные поэта, опасаясь за его здоровье, совершенно отсовѣтовали ему идти въ военную службу. Стихотворенія его свидѣтельствуютъ и о намѣреніяхъ его въ этомъ отношеніи, и о возбужденныхъ ими переговорахъ. По этому случаю возникла даже переписка между обоими поэтами, дядею и племянникомъ, какъ доказываетъ возраженіе послѣдняго въ *Посланіи къ В. Л. Пушкину* (т. I, стр. 173):

Скажи, Парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ,
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Уже ли тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонь Аполлону даромъ
За честь, не можетъ безъ стыда
Жечь порошъ на войнѣ съ гусаромъ,
И, если можно, города?
Беллона, Муза и Венера —
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца.
Я шлюсь на русскаго Буффлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоскаго пѣвца...

Однакожь примѣръ Батюшкова и Давыдова не убѣдилъ родственниковъ поэта, тѣмъ болѣе, что на сторонѣ ихъ былъ А. Θ. Орловъ, окончательно отсовѣтовавшій ему вступать въ военную службу. Написанное по этому поводу, вскорѣ по выпускѣ изъ лицей, посланіе *Къ Орлову*, напечатанное во всѣхъ изданіяхъ (т. I, стр. 186), съ пропусками, указанными въ берлинскомъ изданіи 1861 года «Стихотвореній» Пушкина, относится не къ Михаилу Фёдоровичу, какъ сказано во всѣхъ изданіяхъ, а къ Алексѣю Фёдоровичу Орлову, какъ уже замѣтилъ г. Баргеновъ («Русская Рѣчь» 1861 г., № 90, стр. 591), и какъ дока-

зываетъ находившійся у покойнаго И. И. Пущина автографъ этого посланія. Поэтъ соглашается съ Орловымъ, и прощается съ мечтами о мундирѣ:

О ты, который сочеталъ
 Съ душою пылкой, откровенной,
 . . . . .
 Любезность, разумъ просвѣщенный!
 О ты, который съ каждымъ днемъ
 Вставая на военну муку,
 Усталымъ усачамъ, верхомъ
 Преполаешь ..... науку,
 . . . . .
 . . . . . !
 Орловъ! ты правъ: я покидаю
 Мои гусарскія мечты,
 И съ Соломономъ восклицаю:
 Мундиръ и сабля—суеты!...

Вслѣдъ за предстоявшимъ лицемъ введеніемъ фронта и ружья, было около того же времени еще другое предположеніе, о которомъ говоритъ Пущинъ въ своихъ «Запискахъ». Приводимъ его разсказъ съ подлинной рукописи: «Какъ-то въ разговорѣ съ Энгельгардтомъ, царь предложилъ ему посылать насъ дежурить при императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, во время лѣтняго ея пребыванія въ Царскомъ Селѣ, говоря, что дежурство это приучитъ молодыхъ людей быть развязнѣе въ обращеніи, и вообще послужитъ имъ въ пользу. Энгельгардтъ и это отразилъ, доказывая, что кромѣ многихъ неудобствъ, придворная служба будетъ отвлекать отъ учебныхъ занятій и препятствуетъ достиженію цѣли учрежденія лица. Къ этому онъ прибавилъ, что въ продолженіе многихъ лѣтъ никогда не видалъ камеръ-пажа ни при прогулкахъ, ни при выѣздахъ царствующей императрицы. Между нами мнѣнія на счетъ этого нововведенія были раздѣлены: иные желали этой должности, но дѣло обошлось одними толками... Вслѣдъ затѣмъ была введена верховая ѣзда». Воспитанники стали ходить три раза въ недѣлю посмѣнно, въ гусарскій манежъ, гдѣ обучали ихъ верховой ѣздѣ полковники Крекшинъ и Кнабенау, подъ главнымъ руководствомъ командира лейбъ-гусарскаго полка, генерала Левашева, который и прежде того, встрѣчая воспитанниковъ въ галереѣ манежа, во время верховой ѣзды своихъ гусаръ, разговаривалъ съ воспитанниками и спрашивалъ, скоро ли они начнутъ учиться ѣздить. По этому случаю онъ попалъ въ сочиненный Пушкинымъ и Илличевскимъ, и приведенный г. Анненковымъ въ біографіи поэта

(стр. 25) куплетъ лицейской иѣсни, въ которой представленъ разговаривающимъ съ лицеистами и гусарами, которыхъ обучалъ:

Voujour, mersieurs!... Потише!
 Поводьемъ не играй!
 Вотъ я тебя потѣшу!
 A quand l'équitation?

Въ манежѣ лицеисты еще болѣе сблизились съ гусарами, съ которыми уже встрѣчались въ обществѣ. Особенно подружился съ ними Пушкинъ, въ которомъ они находили веселаго и остроумнаго собесѣдника, и который съ своей стороны любилъ ихъ разгулье. Ближайшими пріятелями его сдѣлались Чаадаевъ, Зубовъ и Каверинъ, имена которыхъ сохранились въ произведеніяхъ поэта. О стихотвореніи, написанномъ въ альбомъ Зубова, сказано выше; въ *лицеѣ* же Пушкинъ сочинилъ надписи къ поргретамъ Каверина (т. I, стр. 570) и Чаадаева. Послѣдняя, пропущенная во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, не вѣрно напечатана въ берлинскомъ изданіи 1861 г. его стихотвореній (стр. 90), и въ помѣщенномъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1862 (№ 14) *Воспоминаніи о П. Я. Чаадаевѣ* М. Н. Лонгинова...

Въ статьѣ г. Лонгинова описаны дружескія отношенія Пушкина и Чаадаева, установившіяся съ первой ихъ встрѣчи у Карамзина и сохранившіяся на всю жизнь. О дружбѣ и уваженіи Пушкина къ этому замѣчательному человѣку свидѣтельствуютъ три посланія къ Чаадаеву (т. I, стр. 187, 219 и 245). Первое изъ нихъ, написанное скоро по выпускѣ изъ лица, когда они встрѣтились уже въ Петербургѣ, гдѣ оба поселились, есть воспоминаніе о восторженныхъ мечтахъ, волновавшихъ юношей въ первое время ихъ знакомства. Это превосходное посланіе напечатано во всѣхъ нашихъ изданіяхъ съ большими пропусками, а въ «Русской библіотекѣ», изданной въ Лейпцигѣ въ 1858 г. (т. I, стр. 6), и въ берлинскомъ изданіи 1861 г. стихотвореній Пушкина (стр. 9) явилось съ ошибками, и потому приводимъ его:

Любви, надежды, гордой славы
 Не долго тѣшилъ насъ обманъ.
 Исчезли юныя забавы,
 Какъ сонъ, какъ утренній туманъ!
 Но въ насъ горитъ еще желанье
 . . . . .
 Нетерпѣливою душой
 . . . . .
 Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
 . . . . .

. . . . .
 . . . . .
 Пока . . . . . горимъ,
 Пока сердца для чести живы,
 Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
 Души прекрасные порывы!
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Дружба съ Чаадаевымъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ людей своего времени, имѣла самое благотворное вліяніе на развитіе и судьбу Пушкина. Въ посланіи къ Чаадаеву изъ Кишинева въ 1821 г. (т. I, стр. 245) поэтъ трогательно воспоминаетъ о высоко-нравственномъ значеніи для него этой дружбы,

Въ тѣ дни, когда еще не знаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,

онъ

... пѣнемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
 И царскосельскія хранительныя сѣни.

Остальное гусарское общество, въ которомъ тратилъ время Пушкинъ, охарактеризовано имъ въ слѣдующемъ шуточномъ стихотвореніи *Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ*, упомянутомъ въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1858 г. (№ 11, стр. 337) и напечатанномъ въ берлинскомъ изданіи 1861 г. его стихотвореній (стр. 7):

Избави, Господи, ума такого,
 Какъ у Александра Васильича Попова,
 Слатянскаго скромности,
 Зубова томности,
 Ильина чистоты,
 Тютчева красоты,
 Любомірскаго чванства,
 Каверина пьянства,
 Гротовой скупости,
 Хов—на глупости,
 Суетливости Оффенберга,
 Разсудительности Унгернъ-Штернберга,
 Чаадаева гордости,
 Ю—ва подлости,

Крекшина службы,
 Сабурова дружбы,
 Завадовскаго щедрости,
 Гернигр—вой мерзости,
 Кнабенау усовъ,
 Пашковскихъ носовъ,
 Салтыкова дикости,
 Саломірскаго лихости,
 Слѣпцова смиренья,
 Кругликова пѣвья,
 Барятинскаго спросовъ,
 Рахманова вопросовъ,
 Молоствова хвалы
 И Микешина к . . ы.

Эта невинная шутка надѣлала было большихъ хлопотъ поэту: стихотвореніе, какъ объяснено въ примѣчаніи къ нему со словъ одного изъ упомянутыхъ лицъ (стр. 228), было написано на дежурствѣ графа Завадовскаго и поднято Пашковымъ, который вступился за честь своего обиженнаго носа, и обѣщаль «поколотить» Пушкина. Но Завадовскій, польщенный упоминаніемъ о его щедрости, принялъ стихи на себя, чтобъ избавить Пушкина отъ непріятности, и ссора угрожала дуэлью. Это дошло до свѣдѣнія командира гвардейскаго корпуса И. В. Васильчикова, который созвалъ офицеровъ для объясненія съ цѣлью помирить ихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что благоразумная партія признала его пустымъ, а противная, боясь высказаться, промолчала, и тѣмъ согласилась съ первой. Въ числѣ обиженныхъ былъ и Каверинъ, которому Пушкинъ вслѣдствіе этого писалъ (т. I, стр. 172):

Забудь, любезный мой Каверинъ,
 Минутной рѣзвости нескромные стихи:
 Люблю я первый, будь увѣренъ,
 Твои гусарскіе грѣхи...

Между тѣмъ какъ Пушкинъ проводилъ время съ гусарами, нѣкоторые изъ его товарищей именно Пушинъ, и впоследствии Вольховскій, посѣщали образовавшійся тогда особенный кружокъ, о которомъ говоритъ Пушинъ въ своихъ *Запискахъ*... Воспоминанія о Вольховскомъ напечатаны въ брошюрѣ *О жизни генералъ-майора Вольховскаго*, изданной въ 1844 г. въ Харьковѣ однимъ изъ товарищей и родственникомъ покойнаго, а о Пушинѣ въ статьѣ Е. И. Якушкина въ «Библиографическихъ запискахъ» 1859 г. (т. II, № 8, стр. 251).

Новыя знакомства и безпрестанныя развлеченія не могли не имѣть дурнаго вліянія на ученье, которое вообще шло довольно плохо. За

1816 годѣ, т. е. за четыре мѣсяца до выпускныхъ экзаменовъ, Пушкинъ и Дельвигъ получили по нѣскольку нулей, и даже въ «россійской поэзіи» по 1. («Историческій очеркъ» лицея, приложенія, стр. 39). Въ нѣкоторой связи съ этой отмѣткой находится посланіе Пушкина *Моему Аристарху* (Кошанскому), помѣщенное первымъ въ отдѣлѣ стихотвореній 1816 г. (т. I, стр. 96), но написанное, вѣроятно, въ началѣ 1817 г., судя по помѣткѣ поэта на черновой рукописи: «переписано 10 марта 1817 г.». Кошанскій, сначала поощрявшій Пушкина, охладѣвалъ къ нему, по мѣрѣ того, какъ развивался его талантъ, а въ послѣдніе два года преслѣдовалъ его, отчасти изъ зависти, потому что самъ кропалъ стихи, а можетъ быть, и потому, что Пушкинъ, всегда пренебрегавшій его лекціями, совершенно пересталъ заниматься ими.

Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой,

говорить Пушкинъ этому «трезвому Аристарху», своему «гонителю», и оканчиваетъ посланіе къ нему слѣдующею просьбою:

А ты, мой скучный проповѣдникъ,
Умѣрь ученый вкуса гнѣвъ,
Поди, кричи, брани другаго,
И брось лѣнивца молодаго,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

Нерасположеніе же Кошанскаго къ Дельвигу, который, по отзыву Энгельгардта, слѣланному за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, зналъ русскую литературу лучше всѣхъ своихъ товарищей, объясняется тѣмъ, что Дельвигъ осмѣялъ Кошанскаго, написавъ на стихотвореніе его *На смерть гр. Ожаровской* (жены управлявшаго Царскимъ Селомъ) остроумную пародію подъ заглавіемъ *На смерть кучера Агаѳона*, напечатанную въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1859 г. (т. II, № 5, стр. 148).

Выпускъ былъ назначенъ раньше положеннаго шестилѣтняго срока, но не потому, какъ говоритъ г. Бартеневъ, во 2-й главѣ своего труда, что «зимомъ 1816 г. въ лицейскомъ зданіи былъ пожаръ», потребовавшій перестроекъ, а просто чтобъ обѣ стороны и учившая, и учившаяся, отдѣлялись одна отъ другой до наступленія вакаціоннаго времени, которое такимъ образомъ, къ удовольствію обѣихъ, дѣлалось свободнымъ; пожаръ же былъ 12 мая 1820 г. («Историческій очеркъ» лицея, стр. 174), вслѣдствіе чего ускоренъ былъ выпускъ воспитанниковъ втораго курса, для которыхъ не было и публичнаго экзамена.

Въ половинѣ мая начались выпускные экзамены, продолжавшіеся

въ теченіе двухъ недѣль. Они происходили весьма скромно, и только по названію были публичными. «Многочисленная публика», о которой говоритъ г. Бартеневъ («Московскія Вѣдомости» 1854, № 118), состояла изъ профессоровъ лицея и нѣсколькихъ царскосельскихъ жителей. Никакихъ вопросовъ со стороны посѣтителей, ни преній по этому поводу, о чемъ также упоминаетъ г. Бартеневъ, не возбуждалось. Даже попечитель лицея, графъ Разумовскій, охладѣвшій къ нему въ послѣднее время, не присутствовалъ при испытаніяхъ, и мѣсто его замѣнялъ князь А. Н. Голицынъ, назначенный послѣ него министромъ духовныхъ дѣлъ и народного просвѣщенія. Изъ родителей и родственниковъ также почти никого не было. Закулисная сторона испытанія, произведеннаго юношамъ, приготовленнымъ «къ важнымъ частямъ службы государственной», представляетъ еще менѣе торжественности. Вопросы и отвѣты, какъ это и теперь дѣлается во многихъ училищахъ, были подготовлены заранее, и пошлая комедія эта разыгрывалась въ своемъ кружкѣ, почти безъ постороннихъ зрителей. Такъ, напримѣръ, профессоръ физико-математическихъ наукъ, Я. И. Карцовъ, на лекціяхъ котораго занимался только Вольховскій, роздалъ воспитанникамъ опредѣленные роли съ репликами, которыя они, разумѣется, превосходно выучили. «Окончательный экзаменъ, говоритъ баронъ Корфъ, исполнѣ соответствовалъ образу нашего ученія и надзора за нашею нравственностію. Подобно какъ въ математикѣ, и по большей части другихъ предметовъ сдѣлана была между воспитанниками разверстка опредѣленныхъ ролей, и дурные отвѣты являлись только тогда, когда который либо изъ профессоровъ сбивался въ своемъ росписаніи, или какой нибудь лѣнивый ученикъ не хотѣлъ или не умѣлъ затвердить даже послѣдняго въ своей жизни урока. Посѣтители же ничего не задавали по той причинѣ, что ихъ не было, а тѣ, которые были, могли только невѣжественно поклоняться безднѣ нашей премудрости, или сами, какъ наши профессора, состояли участниками въ заговорѣ». На экзаменѣ изъ русской словесности Пушкинъ читалъ написанное имъ къ этому случаю стихотвореніе *Безвѣріе*, холодное, дидактическое произведеніе, очевидно написанное на заданную тему, которой онъ не сочувствовалъ. Оно, какъ будто предназначалось для официальныхъ собраний, и по извѣстію, напечатанному въ «Вѣстникѣ Европы» 1817 г. (№ 22, стр. 153), было читано въ обыкновенномъ засѣданіи 30 ноября того же года общества любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ, въ присутствіи князя Голицына, на котораго вслѣдъ за тѣмъ посыпались эпиграммы, напечатанныя въ берлинскомъ изданіи 1861 г. стихотвореній Пушкина (стр. 98 и 99).

Послѣ экзаменовъ была конференція, въ которой профессора раз-

суждали о правах воспитанниковъ при выпускѣ ихъ на службу, и составили списокъ по степени ихъ успѣховъ. По этому поводу сочинена общими силами пѣсня, изъ которой приводимъ нѣсколько куплетовъ:

Этотъ списокъ сущи бредни,
Кто тутъ первый, кто послѣдній:
Всѣ нули, всѣ нули,
Ай люли, люли, люли!

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вольховскій будетъ первый,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Корфъ дьячокъ у насъ исправный,
И сидѣлецъ въ классахъ славный,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Поль (*) протекціей бояровъ
Будетъ юнкеромъ гусаровъ,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Графу (**) нѣтъ большой заботы,
Будь хоть юнкеръ онъ пѣхоты,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Дельвигъ мыслить на досугѣ
Можно спать и въ Кременчугѣ,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

Не тужи, любезный Пущинъ,
Будешь въ гвардію ты пущенъ,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!...

Съ гнѣвнымъ пламенемъ во взорѣ
Давзасъ почтальонъ въ Ижорѣ,
Мы жъ нули, мы нули,
Ай люли, люли, люли!

(*) Мясоѣдовъ.

(**) Брозіо.

Пусть объ нихъ заводятъ споры
 Съ Энгельгардтомъ профессоры,
 И они тѣ жь нули,
 Ай люли, люли, люли!

Въ то же время Пушкинъ сочинилъ пѣсню, въ которой съ такою же беззаботною откровенностью высказалъ оцѣнку приобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній, и начинавшуюся такимъ образомъ:

Гауэншильдъ и Энгельгардтъ,
 Карцовъ и Кошанскій,
 И танцмейстеръ Эбергардтъ,
 И Эбергардтъ кавказскій, (*)

Всѣ, какъ отставной солдатъ,
 Тянуть пѣснь унылу:
 «Господà . . . . . !

Боже мой, охъ Боже мой,
 Господи мой Боже!
 Вотъ приходитъ годъ шестой,
 И экзамень тоже.

Чтожь? какой намъ аттестатъ
 Выдали насилу? —
 «Господà . . . . . !

Для объясненія этой шутки скажемъ, что упоминаемый «отставной солдатъ» былъ лицейскій дядька Прокофій, родомъ изъ Костромы. Во время ночнаго дежурства онъ, ходя по корридолу, съ обѣихъ сторонъ котораго были комнаты воспитанниковъ, при всякомъ подозрительномъ звукѣ, приговаривалъ своимъ особеннымъ выговоромъ: «Господà . . . . . !» Стихотвореніе это, о которомъ упомянуто въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1861 г. (№ 19, стр. 594 и № 20, стр. 659), записано Пушкинымъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, 19 октября 1836 г., въ кругу товарищей, собравшихся для празднованія лицейской годовщины. Автографъ этого стихотворенія находится на послѣднемъ листкѣ принадлежащей М. Л. Яковлеву тетради *Духъ лицейскихъ трубадуровъ*, изъ которой заимствованы нѣкоторые изъ приведенныхъ выше стихотвореній и отрывковъ.

За нѣсколько дней до выпуска начались прощанья съ царскосель-

(*) Гувернеръ, находившійся въ лицѣ въ 1816 и 1817 г., а передъ тѣмъ жившій гдѣ-то на югѣ Россіи.

скими знакомыми, а дружескіе альбомы наполнились стихами. Пушкинъ написалъ посланіе *Къ товарищамъ передъ выпускомъ* (т. I, стр. 167) и подарилъ Энгельгардту, на память, автографъ этого стихотворенія. По поводу стиха въ этомъ посланіи:

Покорнымъ плутомъ зреть себя,

г. Шевыревъ, въ упомянутой уже статьѣ о Пушкинѣ, говоритъ (стр. 251): «Ужъ конечно, не *зреть*, а *нетъ* себя было у Пушкина». Но было однакожъ такъ, какъ напечатано. Тогда же Пушкинъ написалъ въ альбомы товарищамъ: Пущину (т. I, стр. 168), Кюхельбекеру (т. I, стр. 169) и Илличевскому (т. I, стр. 555). Послѣднее отнесено къ стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ, но въ альбомѣ Илличевского помѣчено *31 мая 1817*. Кромѣ того Пушкинъ написалъ нѣсколько строкъ въ альбомъ гусара Зубова (т. I, стр. 176).

Выпускной актъ, происходившій 9 іюня, былъ уже описанъ нѣсколько разъ; но онъ имѣлъ характеръ болѣе семейный, чѣмъ оффиціальныи. Государь, по этому случаю вторично посѣтившій лицей, въ сопровожденіи князя Голицына, самъ раздавалъ медали и похвальные листы. Въ заключеніе пропѣта была *Прощальная пѣснь* Дельвига, положенная на музыку Тенперомъ. По словамъ Пущина (стр. 26) государь «былъ тронуть и поэзіей, и музыкой». Но это, а слѣдовательно и дальнѣйшія подробности, описанныя Пущиннымъ, не вѣрно: «Директору нашему—пишетъ баронъ Корфъ—очень хотѣлось, чтобы государь прослушалъ эту пѣснь разлуки и обѣтовъ нашей будущей жизни; но его желаніе не исполнилось. Государь удалился, и мы пропѣли наши «Шесть лѣтъ» передъ самими собою, потому что и князь Голицынъ ушелъ вслѣдъ за государемъ. Настоящій выпускъ былъ на другой день, т. е. 10 іюня».

Послѣ акта воспитанники и нѣкоторые преподаватели собрались къ Энгельгардту, чтобъ вмѣстѣ провести послѣдній день лицейской жизни. Вечеромъ былъ спектакль, въ которомъ вмѣстѣ съ лицеистами участвовало его семейство. Спектакль былъ устроенъ г-жею Смитъ, которая сочинила на этотъ случай пьесу. Уцѣлѣвшая отъ того времени аффиша, написанная ею же, даетъ нѣкоторое понятіе о представленіи:

TOUT VEUT PARLER, VOILA CE QUI BROUILLE CE PETIT MONDE

OU

LES ÉBATS DE LA RECONNAISSANCE, DE L'AMITIÉ ET DU PLAISIR.

Rapsodies formées, déformées, mises en ordre et desordre, recousues de fil blanc par la troupe de la famille de Durange (*), famille très nom-

(*) Engelhardt, въ переводѣ на французскій языкъ.

breuse, vu qu' elle est composée de tous les bons enfants d'alentour tant grands que petits.

АСТЕУРС :

L'affairé Lomonossoff, entrepreneur dans l'embaras.

Gortchakof, nouveau poëte et auteur.

Korsakof, musicien.

Jakovlef, plaisant.

Malinovsky, bon garçon.

Alexandre, peintre.

Maxe, qui rit toujours.

Elisabeth, la bonne ménagère.

Nathalie, qui finit l'amen et porte le cachet de papa génie.

Vola, postscriptum, qui vient après coup et ne fait que saluer le monde (*).

Laure, qui dira d'avantage une autre fois (**).

Marie Matern préside à tout en voltigeant et prononce le mot reconnaissance d'une manière impossible à écrire (***),

Marie Smith, enfant des bontés du génie tutélaire et du bon génie reste dans les coulisses de ce monde (****).

Fin de la liste des acteurs.

Quant à ceux qui parlent et applaudissent, pensent et critiquent, ils n'ont qu'à se faire une liste à part, celle ci l'étant déjà.

Послѣ представленія читали свои стихи Корсаковъ и Яковлевъ.

На другой день начали разъѣзжаться по домамъ. Нѣкоторые оставались въ лицеѣ еще нѣсколько дней. Пушкинъ тогда же уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Михайловское.

В. ГАЕВСКІЙ.

(*) Всѣ пять—дѣти Энгельгардта. Начальныя буквы первыхъ четырехъ составляютъ слово *Атеп*.

(**) Воспитанница Энгельгардта.

(***) Гувернантка.

(****) Сочинительница пьесы.